Зинзивер № 2 (122) 2021

2021
Санкт-Петербург

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА, СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Издатель ООО «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)

Председатель Редакционного совета
Александр Тимофеевский

Редакционный совет
Тамара Буковская, Евгений Степанов,
Александр Тимофеевский, Ольга Денисова

Соредакторы:
Ольга Денисова / проза
Евгений Степанов / поэзия

Редакция
Галина Илюхина
Арсен Мирзаев
Фёдор Мальцев
Валерий Мишин

Адрес:

Союз писателей XXI века
(сайт www.writer21.ru)
Бизнес-центр «Калейдоскоп»
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводский проезд,
д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

Союз писателей Санкт-Петербурга
Россия, 191119, г. Санкт-Петербург,
ул. Звенигородская, дом 22-б
Редакция журнала «Зинзивер»

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(Генеральный директор Евгений Степанов)

Сайт журнала: http://www.zinziver.ru
Эл. адрес редакции: zinzivier@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 4

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Владимир КРИВОШЕЕВ. Из цикла «Наброски к выставке». Стихотворения 5
Михаил КУЗЬМИН. Заперев несуществующую дверь. Стихотворения 11
Майя-Марина ШЕРЕМЕТЕВА. Наполняется речь.. Стихотворения 33

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Андрей САННИКОВ. Два стихотворения. Стихотворения 41
Евгений ЛЕСИН. Может быть. Стихотворения 42
Ольга ИВАНОВА. Светозарные копья ломая. Стихотворения 48
Игорь ПАНИН. Такая пора настала... Стихотворения 56
Дмитрий ЛАКЕРБАЙ. Древние тайны живых понятий. Стихотворения 59
Ян ПРОБШТЕЙН. Новые перспективы. Стихотворения 68
Евгений СТЕПАНОВ. На мой взгляд. Стихотворения 72

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ ПИСАТЕЛЯ

Эмиль СОКОЛЬСКИЙ. Сотри случайные черты. Эссе 79

РЕЦЕНЗИИ

Екатерина Блынская, «Крымская колыбель» (Елена ТКАЧЕВСКАЯ)
Фигль-Мигль, «Долой стыд (нет уголка для Вандеи)» (Елена КАРЕВА)
Иван Русанов, «Мне снился берег речки Паленьги...» (Игорь ПАНИН)
Дмитрий Анигеев, «Мой папа летчик» (Ольга ЕФИМОВА) 91

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие друзья!

Работа продолжается. Направление журнала «Зинзивер» становится все более четким.

Мы ориентированы, прежде всего, на поэзию. Так задумывался наш журнал, так продолжается и сейчас.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

ВЛАДИМИР КРИВОШЕЕВ

Поэт. Родился в 1946 году в Махачкале. Окончил музыкальную школу при Ленинградской консерватории и философский факультет Ленинградского государственного университета. Преподавал в музыкальной школе, работал в библиотеке, заведовал клубом совхоза, играл в ресторанах. Был участником петербуржской «Школы конкретной поэзии». Был членом ЛИТО под руководством Г. С. Семёнова наряду с В. Кривулиным, Тамарой Буковской, С. Стратановским и т. д. Публиковался в самиздате (антологии «Острова» и «У Голубой Лагуны» (том 4 Б), в журналах «Знамя», «Крещатик», «Зинзивер», в антологиях «Актуальная поэзия на Пушкинской-10» (К.: Птах, 2009) и «Русские стихи 1950–2000 годов» (М.: Летний сад, 2010. Т. 2). Автор поэтических книг «Дом культуры» (СПб.: Формика, 1999; послесловие Виктора Кривулина), «Детский сад» (СПб,: Унисон, 2007), «Вкус слова» (СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, 2016), «Кухня» (СПб,: Свет, 2018). Член СП СПБ. Живет в Санкт-Петербурге.

ИЗ ЦИКЛА «НАБРОСКИ К ВЫСТАВКЕ»

* * *

Остановись. Остынь. Остепенись.
Песок пронумерованный потрогай.
Растерянные скомканные дни
Перебери, разгладь, на вкус попробуй.

Патрульный колокол потряхивает инок,
Явление природы с колокольни зрит:
Сверкает кособокая равнина –
Дневным огнем луна над ней горит.

Зима 2018

* * *

Вдоль папирусных линий привычно
голодной Невы
Ты проходишь, макая себя в этот воздух сопливый.
Ребра чувствуют холод сквозной от сырого залива,
А в подсвеченном горле вибрирует
ветхозаветное «Вы...»

Одобрительно тает набросанный к вечеру снег
Под твоими здоровыми с раннего детства ногами.
В обозримой ночи неизбежного дворника нет —
Завтра скажет, и правильно, что не предвидел падения снега.

Февраль 2019

* * *

На Васильевском острове время из рук выскользает, лови — не лови,
Умный воздух повис на деревьях и после дождя просыхает.
Сделал шаг — и не бойся, за ним наблюдает другой,
Следом пишет про это рука человека по имени Я.

Петербург, мимолетный как дождь, осуждает мой почерк гнусавый.
Опускаю стеснительный взор на подземные дебри метро.
В ровный круг выгибаются улицы и переулки —
Однобокие люди танцуют на нем чью-то песню без слов.

Декабрь 2019

* * *

На побережье Финского залива
Глухонемая — розовое утро —
В мобильник разговаривает вся
Мотивами Геннадия Айги...

Вот так, как хочет и живет себе поэт.

Февраль 2019

САПОЖНИК И МАТЬ

На площади, приклеенной к асфальту,
Поет сапожник голосом Вивальди,
Как инвалидом неудобно быть.

Колеблется колоратурный воздух,
Вспотели все голосовые связки.
Работать нужно взрослыми руками,
Чинить неподдающуюся обувь,
А он, в душе ребенок, хочет петь.

Его высокогорная, потомственная мать,
Которую он по заветам предков
Лелеять, холить должен непременно —
Кормить досыта, допьяна поить,
Над ним застыла в позе монумента,
Замерзла в ожидании клиентов
И смотрит в близкий день как в микроскоп,
Понять чего-то в этой жизни чтоб.

Осень 2018

ИЗ НЕДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

По вялотающей пороше
В ближайший беспробудный день
Безоговорочная лошадь
Везет просроченных людей.

В их головах живут мигрени —
Штопают порванные сны.
А стук копыт попеременный
Отскабливает звук весны.

Солдат у полосатой будки
Оказывает в струнку честь.
В следах фиакра незабудки
Уже не забывают цвесть.

Течет разбавленное время
По низкорослым небесам —
Два неопознанных еврея
Его сверяют по часам.

Март 2019

НАДО ВЫПИТЬ

Оскорбительное слово
Окружающих людей
Я сегодня слышал снова,
Только не припомню где.

Колосилось рожью лето,
Жаворонок небо брил.
Пережарилась котлета,
Кто-то выключить забыл.

Баснословные загадки
Щелкал белозубый мозг.
Жулики играли в прятки.
Вялил рыбу эскимос.

Жизнь сложилась, как гармошка,
В рукодельный детский пазл.
По натоптанной дорожке
Ноги просятся в лабаз.

Апрель 2019

* * *

А Бертольд Иоганнович Брехт
Навещает меня иногда без оглядки на небо,
Умывает слегка синеватые руки
Огуречным рассолом покойной советской поры.

Принимаю его на еще волосатую грудь
Низкопробным, почтительно названным чаем,
Говорим о весне отогретыми зимними ртами,
Извлекаем из пыльного детства забытую Богом войну.

Нас кто знает — втыкают глаза в наши жизни,
Надевают просторные уши на мокрый от холода звук.
Ветер треплет в клочки отголоски разрозненной речи
И уносит зачем-то кому-то куда-то туда навсегда...

Июнь 2019

ЛЮБИМАЯ

Она входит без стука и топчет пастушью свирель
Подсурдиненым матом, подмышками терпкого юга.
Перепуганный ветер клубится за ней в коридоре,
Но наружу не рвется — ему интересно и здесь.

Раздевается молча — амурный букварь за комодом,
Ничего не желает — сама из желаний насквозь.
Голый, словно стажер за рулем на Военно-грузинской дороге,
Что-то лишнее в горле глотаю, как в детстве надкушенный гвоздь.

Перепутала школьную парту с постелью,
отца разменяла с подонком,
Полковая мадонна в лампасах от батьки Махно.
Философию жизни ее препарируют в пыльных сорбоннах
Голубые кастраты в полемиках с розовыми кимоно.

Февраль 2020

ВЕЧЕР У ЭРЛЯ

Ну как тут быть, когда напротив Эрль
Сидит и смотрит в мой неформатируемый облик?..
Смутиться надо, снять очки, салфеткой протереть,
Пока он не успел сказать чего другого.

Но Эрль молчит.
Молчу и я.
Молчим мы оба.
Молчим за жизнь, рассыпанную всюду, как пустой горох.

Нам Света предлагает виски
И достопримечательный салат
Пакует на мобильные тарелки
(пустые после сгинут навсегда).

Хозяйственная Хню негромкими шагами
Проходит по столу и нюхает обед.
Понравилось — съедает аккуратно
В моих, восторгом тронутых, глазах.
Поела — умываемся неспешно
На память обо мне,
Об этом дне, переходящем в вечер,
О вечере, переходящем в вечность...

А эта мимолетная картинка
Сверкнула звездочкой на низком близком небе,
Там и осталась,
Времени назло.

* * *

Сел ветхозаветный Чейгин
На ижорскую скамью.
Полустанком для ночлега
Понял он страну свою.

За спиной горизонтальной
Мается живой рюкзак —
Там стихов его детали
Не стыкуются никак.

Лижет горькая поземка
Опечатки от подошв.
Источают скупо зенки
Полу-слезы, полу-дождь.

Скорбь вселенского погоста
Зашифрована в лице,
Но не поспешают гости
Разгадать иглу в яйце.

ПЕТЕРБУРГ, Я ТВОЙ

Петербург, я — твой компьютер,
Расчехленный твой баян,
Я — твое косое утро,
Я люблю, когда ты пьян.

Дернем, вздрогнем на проспекте
Петроградской стороны,
Выровняем все на свете
Пифагоровы штаны,

Объяснимся встречной урне
В платонической любви...
Петербург, я — твой придурок.
Ну, чего ты... не реви!

Июль 2019

МИХАИЛ КУЗЬМИН

Поэт, журналист, художественный критик. Автор книг «Дом, отапливаемый утопиями», «Дневные листья — ночные корни», «О. поэтах. и. о. поэзии», «Летопись молчания», «Я жалуюсь на свое воображение» (Mi lamento della mia immaginazione — билингва), «Расстояние между галактиками» (Galaksien välisestä etäisyydestä — билингва). Живет в Санкт-Петербурге.

ЗАПЕРЕВ НЕСУЩЕСТВУЮЩУЮ ДВЕРЬ

* * *

В хаосе есть
что-то архаическое,
до-природное.
Беспорядок — это уже

дело рук человека.

Абсурд, кстати, тоже.

* * *

Если кто-то сможет
закинуть прошлое
в будущее,
как своего рода
бумеранг,
и оно
не вернется,
то это и будет
перформанс
под названием
«Тряхнем стариной!»

ЖАЖДА ПРАЗДНИКА

Тонут философы
тонут поэты
тонут туристы
домохозяйки
и тромбонисты
а крысы
бегут
с корабля
на бал...

Гибнут шахтеры
парашютисты
геологи
летчики
и спелеологи
а кроты
роют
ходы
под танцплощадкой...

Горят лентяи
растяпы
и негодяи
люди рассеянные
и пожарные
в себе уверенные
а мотыльки
летят
на огоньки
кафешантана...

Умирают толстые
и худые
лысые
и хромые
и длинноносые
с папиросами
а бактерии
участвуют
в мистериях...

* * *

Адам и Ева
были изгнаны
из рая
прямо
в Красную книгу.

Жили они
там
долго
и счастливо.

И умерли
в один
и тот же день
и час,
окруженные
не внуками
и правнуками,
а редкими зверушками
и экзотическими растениями.

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕЕ

Десять пейзажей
одной души.
Девять — уже проданы
дьяволу.

* * *

Утренняя газета
сообщила
что я умер

Вечерняя
констатировала
что я воскрес

А ночь
шепнула на ухо
деревьям
что я оборудовал
в типографии
мастерскую
по ремонту
осенних листьев

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

Рассказывая о погоде
на завтрашний день,
он забыл упомянуть
о температуре воздуха,
и его выбросили на мороз
без выходного пособия...

* * *

Третьего — не дано.
Второго — не было.
Первого — отняли.

* * *

Миф!
Мудрость!
Интуиция!
Творчество!

Это они:
восклицательные знаки,
занятые
интеллектуальным трудом.

* * *

Гипербола рая
и
литота ада...

Вдруг это
одно и то же?

* * *

Между поэтом
и музой —
дым сигарет,
винный запах
и тяжелый рабочий день...

* * *

Можно ли
так запрограммировать
человека,
чтобы он читал
не только между строк,
но и между букв?

И программировать
не надо.
Многие и без того
вылавливают,
вычитывают,
вырезают
из слов и фраз
абсолютно вечный
буквальный смысл.

* * *

Шепот
без крика —
это как роза
без шипов.

* * *

Старый обряд мышления
и вечно юный
праздник интуиции...

А не обрядить ли нам
мышление
в одежды интуиции?

Вот только
что тогда
останется
от праздника?

И будет ли он
вообще?

* * *

Мазохист набрался мужества
и набил себе морду.

Садист ударил подснежник
и заплакал от боли.

Оптимист поверил,
что доживет до глубокой старости,
и стал консерватором.

Пессимист испугался
показаний барометра
и растаял в тумане.

Самоубийца сунул голову
в петлю
и помолодел
на несколько тысячелетий.

* * *

Вот талант,
а вот краткость,
прилагаемая к таланту
(нечто вроде
инструкции по применению).

Но выбрать надо что-то одно...

ЗАПЕРЕВ НЕСУЩЕСТВУЮЩУЮ ДВЕРЬ

Я встретил Неновый Год
Приласкал некрасивую девушку
Накормил нежужжащую муху
И снял с себя негласный надзор

* * *

Почему гениальность
должна быть феноменальной?
Мощной,
внушительной,
умопомрачительной...
Пусть будет
маленькой!
Даже крохотной.
А еще лучше —
совсем незаметной.

* * *

Хочу все знать!
Хочу все знать и про это
уникальное учреждение:
МУЗЕЙ БЕЗ ПЯТИ ДВЕНАДЦАТЬ
Говоря точнее:
без пяти минут двенадцать часов.

В нем хранится все,
связанное с этим отрезком времени.
Например, письма
и предсмертные записки.

Работает этот музей
два раза в сутки:
утром и вечером —
по одной минуте.

Когда стрелка часов
показывает без четырех минут
двенадцать,
музей тотчас закрывается!

* * *

Многие
очень быстро
проживают свою жизнь,
не подозревая о том,
что они бессмертны.

* * *

Не надо изобретать
человека-невидимку.
Стихотворение
и есть
человек-невидимка.
И в этом качестве
оно себя
прекрасно чувствует.

У МЕНЯ ПРИВЫЧКИ БЕЗУМЦА

Утюгом разглаживаю страх.
На трамвайный билет
покупаю надежду.
И улыбкой
ловлю тараканов.

* * *

Один раз объяснился в любви,
потом — второй,
третий,
четвертый,
пятый...

Неужели
и в этой сфере
повторение — мать учения?

* * *

Надо ли
ругать актера
за то,
что он заснул
на репетиции,
а проснулся
на премьере?

* * *

У Робинзона
можно отнять остров,
у Гамлета —
гамлетовский вопрос.

То и другое — несправедливо.

ПАМЯТЬ

Мои перебирая поцелуи
сладкие
и грустные
глупые и праздничные
повседневные
и нерифмованные
жестокие
и смешные...

Ты останавливаешься
на самых забытых

и согреваешь их
мертвыми губами

* * *

Когда вы узнали,
что стихи,
которые вы читали
наизусть,
не чьи-то,
а ваши собственные,
вы ведь не расстроились?

* * *

Истина
в вине —
только сегодня!

Завтра
там уже —
полуправда!

* * *

Антицель жизни?
Антибессмертие
или
антилюбовь?

В ОБРАТНОМ ПОРЯДКЕ

Победил.
Увидел.
Пришел

домой...

И выбросил из окна
белый флаг!

* * *

А есть ли
такие слова,
которые никогда не лгут?

Если есть,
то, должно быть,
они влачат
в своем родном языке
жалкое существование.

* * *

Неофициальная
поэзия разума...
А разве
есть такая?
Есть...
Головная боль.

СВЕЧИ И СПИЧКИ

Все
это было бы
с в е ч н о,
когда бы
не было
так **с п и ч н о.**

* * *

Инсульт — неудачная попытка
понять Россию умом.

А инфаркт?

То же самое,
но уже сердцем...

* * *

А не организовать ли нам
поиск потерянных пуговиц
в общепланетарном масштабе?
Допустим, вы потеряли
пуговицу в Париже.
Ее кто-то находит
и возвращает вам
уже в Москве
или Гонконге!
Это ли не чудо?

* * *

Я люблю Офелию сильнее
чем ее любил Гамлет

Я люблю Дездемону сильнее
чем ее любил Отелло

Я люблю Джульетту сильнее
чем ее любил Ромео

Я люблю свою жену сильнее
чем ее любил Шекспир

* * *

Он написал 80
великолепных стихотворений.

Но для того,
чтобы выкупить себя
из романного рабства,
ему надо было сочинить
еще двадцать
абсолютно поэтических текстов...

И на это ему
уже не хватило
ни сил, ни таланта.

* * *

Дилемма:
высовывать язык
для
юмористических показаний
или
просто смешить?

* * *

Абсурд не нуждается
в понимании
или в расшифровке.
И он — не истина
в последней инстанции.

Все, что от нас требуется —
это дойти до абсурда
и упереться в него
лбом!

* * *

Электрификация сна?
Нет,
просто бессонница!

* * *

Когда мы смеемся
сквозь слезы,
то самое опасное —
это дефолт слез.
А дефолт смеха
мы как-нибудь
переживем.

Хотя вряд ли...

ВЫБОР

Боль или сожаление?
Рана или воспоминание?
Безумие или страх?

* * *

Человеку
трудно идти
в ногу со временем
по той простой причине,
что у него две ноги,
а у времени —
гораздо больше.

Даже если я и делаю шаг
своей сиюминутной ногой,
то следующий шаг
(ногой часовой)
я осуществляю
уже не так скоро,
не слишком прытко.

Передвигаться таким образом —
крайне трудно,
даже нереально.

Если кто и может идти
в ногу со временем,
так это наш мозг.

Но зачем ему
идти в ногу
с текущим моментом,
если он
может легко обогнать
любое время?

Хоть столетие,
хоть тысячелетие...

* * *

Что я знаю
о своем одиночестве?

Ничего...

Для меня
это тоже
тайна.

* * *

Ум зашел за разум,
чтобы увидеть
оборотную сторону
интеллекта.

* * *

Поехал в Тулу
со своим самоваром
и остался там
навсегда.

* * *

Несчастная любовь
не бывает такой
от Природы.

Это дело рук
Гадины-Цивилизации...

УЛЫБКА

она умерла
в разгар праздника
на глазах у фейерверка
пытаясь перебросить
паутиновый мост
от возгласа счастья
к шепоту отчаяния

ПРИМЕТА

Если снится
прошлогодний снег,

то это —
к написанию
нового верлибра!

* * *

И сама истина
не может
существовать
без истины.
Но пытается.

* * *

Авторские мысли
хранят верность автору,

а вот пословицы и поговорки
водят дружбу с кем попало,
прикрываясь популистскими идеями
о народной мудрости.

«Промискуитет пословиц и поговорок» —
бескомпромиссное название

и для диссертации,
и для научного бестселлера.

* * *

А ведь это
очень удобно:
единый код доступа
ко всем ящикам Пандоры!

* * *

Непризнанный гений...
А другого и не бывает.

После признания
гений перестает
быть гением
и становится частью истории,
культуры
или винтиком
пропагандистской машины.

ВЕСНА! ВЫСТАВЛЯЕТСЯ ПЕРВАЯ РАМА...

АПОЛЛОН МАЙКОВ

Первая рама,
которая выставляется
весной,
сыграла гениальную шутку
со стихотворением
Аполлона Майкова,
написанным в 1854 году.

От него
действительно
осталась
только вот эта
первая строка...

Конечно, есть еще три строчки,
но они весны не делают...

Весну делает
первая рама
и первая строка...

* * *

Любите ли вы самого себя?
Люблю,
но не как эгоист.
А как кто?
Как Творец,
который обожает
свое собственное произведение.

* * *

Мысль — это ведь
тоже музыка...

Но если к ней
правильно подобрать
слова,
то это уже песня!

* * *

История о том,
как Красную Шапочку
выгнали из сказки.
За что выгнали?
За то, что страха у нее
перед волком
совсем не было.

ВОПРОС-ПРОБУЖДЕНИЕ

На каком вокзале
встречает
утреннюю росу
бессонница?

* * *

Чувство юмора —
одно из самых
трудно определяемых
чувств.

Очень легко ошибиться,
приняв
желаемое
за действительное:

соль анекдота
за сахар юмора.

* * *

Местоимение «Я»
любит
местоимение «Ты».
Но это ведь еще не любовь...

* * *

С годами
непрочитанные книги
становятся
все моложе
и моложе...

И уже
не далек
тот день,
когда они
превратятся
в рукописи...

А там,
глядишь,
и в чистые
листы бумаги...

И КРАТКОЕ, РАЗМАХИВАЮЩЕЕ САБЛЕЙ

сайка зайка байка
балалайка
спайка чайка лайка
таратайка
шайка майка гайка
перепайка!

* * *

Утро
туманное...
И в силу этого
очень мудрое...
Где,
как не в тумане,
хранить нам
нашу мудрость?

* * *

Человек
рождается свободным,
а на курсы повышения
рабской квалификации
устраивается
исключительно из любопытства.

* * *

Хлебом
по зрелищам —
огонь !

* * *

Жизнь — не комикс,
но продолжение,
как в комиксах,
все равно следует!

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

Вовка — морковка!
Зинка — резинка!
Мишка — шишка!
Витька — титька!
Джон — шпион!

* * *

Пространство
минус
Время
равно
Время
минус
Пространство.

От перемены
мест
вычитаемых
что-то
все-таки
меняется.

Вот только что?
Пространство
или Время?

МАЙЯ-МАРИНА ШЕРЕМЕТЕВА

Поэт, переводчик, эссеист. Родилась в Новосибирске. Окончила НГПУ, филологический факультет. Автор трех поэтических книг, в том числе «Рентген крыла» (изд-во «Русский Гулливер», Москва, 2019) и ряда переводов с английского, армянского, грузинского. Лауреат премии журнала «Зинзивер», 2012. Лауреат II Международного фестиваля духовной и материальной культуры имени Хамбо ламы Итигэлова, номинация «Поэзия» (2014). Лонг-лист Премии «Гулливер», номинация «Поэтическая рукопись» (2015). Победитель VII Международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская Лира-2018». Лауреат Первой премии поэтического конкурса «Неоставленная страна» на XI Всемирном фестивале «Эмигрантская лира- 2019», проходившем в Брюсселе-Льеже-Париже. Лауреат Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка. Принята в Международную Академию ЗАУМи в 2020. Публиковалась в различных антологиях, альманахах, журналах, в том числе «Среда», Антология «Современный русский свободный стих», Антология «Собрание сочинений» (Спб, 2014), «Крещатик», «Сибирские огни», «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Другое полушарие», «Двоеточие», «Артикуляция», «Pratik» (Нью-Йорк-Непал-Нью-Дели, 2018) «Интерпоэзия», «Формаслов» и др. Стихи переведены на английский, польский, армянский языки. Живет в Новосибирске и Санкт-Петербурге.

НАПОЛНЯЕТСЯ РЕЧЬ

ПЕРЕВЕДИТЕ НАС РЕКИ

вот мы, глиняные человецы
в наших руслах течет ваша кровь
в устьях смешивается и вновь
наполняется речь и толкает сердце

вочеловечьте нас, боги-реки
мы пловцы, наши губы вылепят новые бреги
нас до обжига влагой-молитвой крестите вы
мы кузнечики-глечеры, нам сверчки* — обереги
в ваших линиях — скрипки-саранги санскритовы
золотым в нас пальните горошком Сапфо —
тростниковою дудкой нам станет Босфор

в нас, в нас берите разбеги от вины дО-неги
вот с горячих ладоней — огонь на сухом суахили
мы язык обжигали в битвах, Олодумаре** и бвити***
это Бог, он кора, мы сдираем его письмена, а он не в обиде
обнимая деревья, мы делали кору****, простираясь в корнях

---

* Сверчки — имеется в виду птички, которые селятся по берегам рек. Их пение похоже на стрекот сверчков.

** Олодумар — бог-Творец в религии африканского народа йоруба. Считается, что Олодумар при создании мира очень устал от своей работы и не отвечает на молитвы.

*** Бвити — традиционная африканская религия, основанная на приеме коры корня священного растения ибога *(Tabernanthe iboga)*.

**** Кора — тибет. Skor ba или с санскрита Прадакшина — обряд простирания, обход святого места (монастыря, ступы, горы) по ходу солнца.

влаги, боги, влаги дарите на пятернях
татуировки времен — наши глиняные бока
обожженные ли — на рожон
пусть когда-нибудь черепки наши — в прах
но тот древний внутри нас огонь — порожден
им и ритм, и рим в клапане ярости-милости
свет не мнимый сквозь толщу воды мы помним
его ни назвать, ни отнять...

— аргонавты! не зги!
здесь дартвейдорские космонаффты
перекрыли и воду, и кислород
что писать на диске времен?
что выдалбливать в скалах-боках?
какая картинка?
фараонов сушеных
тупите клинки аккадские
заговорит по-арамейски однажды акация

переолдуйте, олхидцы, лодки в лотк*и* —
миф на вечности кремневом диске:
Колыма, Серпантинка —
руном человечьим на прииске
выдолблен страх

там — мазурики самопальные боги иглами с ила
здесь — учебные боги подрываются вдоль залива
черепками битыми стиснуты горла рек
бог-Огнемет расцветает в сердцах глиняного человека

ПЕРЕПРЯТАННЫЕ В СНЫ /СТИХИ 2014 ГОДА/

1.
В третью воду войду —
дую не на воду — на звезду
на ее крыло, чуть сломленное над краем —
надбровье над Обью.
Подобно
оленю на камне: уснул с облаком-раем
облако дышало, пока бежал.

Мишени мы, метки, перерыты
перепрятанные в сны.
Внутри нас — космос кротовый
роет окопы — окопы роет.
Небо — рассыпанным легом
чел-овеч-ик-ами в-ал-ит.

болит голова, горит
продай мою голову, заговори
в бреду голова, голова, мама.
твоя голова лес-ная,
твоя голова о-ленья,
в ней об-лака-сень, в ней об-лако-рай,
гн-езда как шап-ка — тепл-ые, птен-чьи,
колыб-ельки о-вечьи — за-сып-ай

кто костер над моей развел головой?
это полынь-звезда подыхает над полыньей.
нас учили делать повязку-чепчик,
выпал нечет — в бинтах чел-овечек
только что гул-ял ты здесь
ручка, нож-ка, огу-речик,
вот и вышел весь.

Вьет гнездо за виском война
в колодце, до самого глубокого сна.

Встану в караул, хороший мой, до утра.
Пока видишь довоенный сон — затягивается дыра.

2.
с утра до утра в затылок в упор
горящими самолетами лицами взрывами
последней скороговоркой ютуба:
Рита из Петербурга, прощай!
падает человекопад в зазор —
в щель — между — смыслами

баю-шки-шки в процентах — народ
нелюбезен тебе тот-то дикий у-дод
птичьих прав с хохолком правды

заряжай в хоровод космонаввтов
ягодки кислые вызрели ксенофобии
птаха плюется — пл*а*хой добби-ит

плачь смородинками-градинами
фейки-пеньки родины — матерью родимы
рым имперский — нарыв — та же публик
разорвет телепута дырк от рублик

чудский десантник лосем лежит
дела его — чудны как калаши
в облаке черн — парашют иссечен
передышка ему — навсегда, поддых
нам — до выстрелов новостных

хорошо, что ты уже не в строю, мам
слава богу, и ты, дед-28-й панфиловец
брат, и ты в земле — не боец
и ты, отец.
вдруг кто-то из вас
с телевизором наперевес
...лорелея, донбасс

* * *

когда сбываются пророческие сны
то в тягость самый дар — предвидеть
как мне развидеть пустоту весны —
та расцветает вовсе не в обиде

что нет людей через айфон глядящих
на красоту восставшую из снега
и зелень новая — побегом за побегом
в пустых садах — как таинство незрящих

НУ, ВОТ... ИТАЛЬЯНСКИЙ ДОМ

раз мы все умрем
на вопрос возлюбленного —
что тебе подарить на ДР —
первый раз в жизни
решила озвучить самое тайное
самое страстное желание
/перед смертью же!/ —
домик в Италии /лучше где горы/
о! да! — с виноградником
апельсиновыми деревьями
и балконом на море

жду теперь у моря Обского
погоды — вернется ли
ведь герой по закону жанра
должен:
спасти мир от заразы
поднять мировую экономику
снять блокпосты
отменить закрытые границы
поднять в небо самолеты
вернуть всех застрявших на курортах домой
обеспечить наших и ненаших врачей
противочумными костюмами
больных — аппаратами ИВЛ
отрегулировать чувствительность тестов
создать вакцину и не одну и успеть апробировать
поддержать малый и средний бизнес
развеять — с обоснованием! — панику
устрашить — аргументированно! — преступно беспечных
разрушить мировое господство
и все заговоры элит
разнести в пух и прах фейки
о мировых заговорах
чудодействии чеснока, водки,
прикладываний к мощам, иконам
ношении/неношении масок
опасности 5G связи
он должен — обнулить обнуление
обнулить — готовность сограждан
доносить и стучать на соседа
обезоружить полицейских стреляющих на поражение
предупредить бунты
поднять с колен страну
найти деньги налогоплательщиков
и да, перевести всех старушек через дорогу
.....
и все это
ради
маленького итальянского домика
в моем воображении —
с виноградником и апельсиновыми
деревьями
где могут собираться поэты
читать свои невозможные
и прекрасные стихи
выходя к морю

* * *

и мы найдем такие острова

где прорастают дикие слова

и выпьем этот дикий мед

из сот высот

и если мы — как малое — умрем
и каждый — на звезду — в отдельный дом —
чему тогда причастны были здесь
какие вести приняли за весть
так если смерть приблизилась для нас
и люди в масках вместо тех любимых глаз
то где то слово за которым мы пойдем
и из которого мы вновь произрастем
на новых и блаженных островах
где в свет поющий претворятся боль и страх
где верба ласкова как медсестра
склонясь в бессмертии у смертного лица

* * *

смотри смотри — в час между волком и собакой
когда ни зги — абсурд теснит как мгла
что кажется вот-вот и обнажится добела
до хруста ребер у живаго
кровавая хлипца вместо лица
вдруг вспыхнет смех — как хмель перед атакой —
рассветный смех над обгорелым страхом —
над черным человеком из чека

смотри смотри ты жив еще покуда
и белый керосин и валенки в снегу
над головой висит космическое чудо
Юпитер и Сатурн и звезд простой народ
пусть ветер моровой и смерть на берегу
но в Искитиме отдает священник кислород
свои вдох-выдох парню что моложе-злее
чтоб жизнь росла быстрей чем хаос дул в дуду

смерть молодится с ветром моровым
и воют скорые созвездья Гончих
шагают астронавтами врачи-друзья
в антиутопию по лезвию в ночи
в космический распад где жизнь и смерть в зазоре —
как ангелы уставшие в дозоре
над бездной — на игольном кончике —
вися

смотри смотри не закрывай глаза в метели
смерть-круговерть закрутит и тебя
когда-нибудь. Но помни что висели
над головой Сатурн Юпитер и звезда
морозная полярная в тревоге и — та
что вспыхивает как дитя любя
в отчаянии твоем — перед тобою
над елкою в прихожей — звездою
Рождества

ДЯТЕЛ ДИЛАН

теперь повсюду дилан — боб-боб — дил-дил
по шарабану солнца дилан
боб-боб — долбит в кору небес
тот ритм-отвес

несется лес: он жив, он сам с усам
гляди: боб-боб — боб-дил
он в красной шапке
и клювик снова на оси, крыло в порядке

гармонию подкинь — сам ловчий
и целый день дил-дил, фа-фа
а ночь-сова —
летающие острова отточий

вруби на всю свой фолк лесной
в моей коре! янтарь синкопы, птах!
янтарь роняй в бокал летящей Нике —
вот она сияющая голова ея — зенит на пике
а все, что не и вне — пока что нафиг

где дилан боб — там дилан томас
весь лес — из мелики хмельной замес
и шар прозрачный пчел, и ос, и облак полон —
там дятел-соло музыки навес

так пей, летя в воздушном шаре
наярь!
ту высоту — как мяч
мы перебросили друг другу

и от земли — от тяготений
скучных песен, пений скучных — от!
давай подбрось воздушный обруч
толкай кору, сосредоточься!
ты крут! ты царь!

пусть розы вспенятся в крови —
нас на любви лови
вбивай в привычность гвоздь
сигналь в отточии земную ось

давай, подбрось наш шар
чтоб не утратил тяги — с силой!
наверх его и не роняй, держи нас, дятел
дятел дилан

АНДРЕЙ САННИКОВ

Поэт. Родился в 1961 году. Один из основателей Уральской поэтической школы. Автор девяти книг, вышедших в России и за рубежом. Лауреат литературных премий. Живет в Екатеринбурге.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Превосходная осень мне смотрит в лицо
и, ладонями взяв за затылок, целует
прямо в очи сухие, еще и еще,
а потом говорит, что меня не забудет.

Говорит, что изменятся эти дома,
эти руки и листья, а из остального —
ничего и не нужно, настанет зима,
будет жизнь, но иная — La Vita Nuova.

* * *

Он говорил спокойным голосом:
Теперь уже недалеко.
Везде налито молоко —
в цилиндрах, в усеченных конусах,

в античных статуях, в березах.
Мир завершился. Вышел весь.
И кровь осталась только здесь —
вот в этих трех некрупных розах.

ЕВГЕНИЙ ЛЕСИН

Поэт. Родился в 1965 году в Москве. Учился в Московском институте стали и сплавов, служил в Советской армии, работал инженером-технологом и химиком в котельной. В 1990-м поступил в Литературный институт имени А. М. Горького. После окончания института, с 1995 года, служил в газете «Книжное обозрение». С 2002-го — в «Независимой газете», книжном приложении «НГ — ExLibris». Автор книг «Записки из похмелья» (2000), «Русские вопли» (2005), «По кабакам и мирам» (2007, совместно с Ольгой Лукас), «Недобор» (2009, совместно с Всеволодом Емелиным), «Легенды и мифы Древней Греции» (2009) и др. Живет в Москве.

МОЖЕТ БЫТЬ

* * *

Милость невозможно заслужить.
Преданности нет. Любовь кошмарят.
Милость можно только подарить.
Вам ее когда-нибудь подарят,

Может быть. А может и не быть.
Все уже давно закаменело.
Боги рвут невидимую нить.
Черти шьют неведомое дело.

Ангелы-менты пришли сюда,
Что за отвратительные рожи.
Дело развалилось до суда.
Страшного. Но все суды похожи.

* * *

С миру по нитке
Голому рубашка
Смирительная
С миру по нитке
Голому веревка
Внушительная
Лента мебиуса
Бутылка клейна
Вышли из автобуса

Выпили портвейна
Портвейн 72
И троллейбус 72
Троллейбус уничтожили
По городу Москве
Жили-жили дожили
Дайте две
Дайте две вселенные
В одной Москва
Строили военнопленные
Она жива
И в другой вселенной
Жива Москва
От Неглинной и Бронной
Сущевский вал

* * *

Крестьян освободили, они ушли в запой,
И пили до 17-го года.
Рабов освободили, они ушли в разбой,
Свобода, блин, свобода, блин, свобода.

Свобода делать выбор, свобода умирать,
И поднимать помещиков на вилы.
Кругом одни дебилы, дебилы, вашу мать,
Дебилы, блин, дебилы, блин, дебилы.

Кругом такая осень, а им подай весну,
Неблагодарный все-таки народец.
Солдаты воевали, а выиграл войну
Очередной великий полководец.

* * *

Интернетная среда
Хуже скользкой горки.
Не люблю я, господа,
Ваши поговорки.

Говорили: вашу мать.
Или хенде хох мы.
Не люблю я, что скрывать,
Афоризмы-хохмы.

Что имеем — не храним,
Потеряв, не плачем,
А за чем-нибудь другим
Бестолково скачем.

Позабыв о дорогом,
Мчимся одержимо.
Мимолетно все кругом.
Да и просто — мимо.

* * *

Нету счастья в подгоревшем каравае.
Нету радости и в приторном ситро.
Не проедешь ты бесплатно на трамвае,
Не проедешь ты бесплатно на метро.

Нет ни смысла, ни души в духовной скрепе,
Нет надежды на какой-нибудь успех.
Мы гуляли по Щипку и по Зацепе.
Мы гуляли по Зацепе лучше всех.

Никому из нас давно никто не должен,
Только мы все время что-нибудь должны.
Вот и ты уже до пенсии не дожил.
А тем более — до будущей весны.

Никогда не говорили мы о рае,
Хоть и верили в какое-то добро.
Не проедешь ты бесплатно на трамвае,
Не проедешь ты бесплатно на метро.

* * *

Покинула кровь берега,
Недоброе движется с юга.
Не враг убивает врага,
А все-таки люди друг друга.

К чему довоенные сны,
Подайте хоть капельку влаги.
А что же там после войны?
Счастливый и мирный концлагерь.

Ручная ненужная кладь,
К чему перед смертью кульбиты?
Никто не хотел убивать,
И все-таки все вы убиты.

В чужую страну влюблены
Захватчики, хоть и суровы.
А что же там после войны?
Могилы, калеки и вдовы.

На подвиги вышел народ,
Забудь самокаты и санки.
Летит умирать самолет,
И едут к погибели танки.

Не верьте разврату весны,
Глядите, полощутся флаги.
А что же там после войны?
Счастливый и мирный соцлагерь.

ИЗ ЦИКЛА «ФИЛЬМОГРАФИЯ». ПЯТНАДЦАТАЯ ВЕСНА (1972)

* * *

Вот говорят: иных уж нет.
Их жалко, нет сомнений.
Кому — тех тел,
Кому — тех лет,
Кому-то и мгновений.

Оставим плач, а также месть,
Глядеть не будем в оба.
Иных уж нет.
Лишь те же есть
Уныние и злоба.

* * *

Под телевизор засыпая,
Не забывайте, что с утра
Вас могут встретить двери рая,
А может, адская дыра.

И в телевизоре, похоже,
И в мире том — один канал:
И говорят одно и то же.
И пахнут, как автовокзал.

* * *

Горит огнем Ерушалим,
Горит огнем Ерушалаим.
Мы все решим и порешаем,
Все порешаем и решим.

От Алишера Навои
Беги подземным переходом,
Смешайся с кукольным народом,
Молчи, скрывайся и таи.

Не верь, не бойся, не проси,
Спаси последние 6 соток.
Среди валютных патриоток
Великой матушки Руси.

* * *

Когда страну вели по бездорожью
Куда-то в коммунизм большевики,
Мы были бесшабашной молодежью,
И нами помыкали старики.

Учили нас: бухайте аккуратно,
Чтоб в жизни и карьере повезло...
Промчались годы, мы глядим развратно
Уже не на девиц, а на бухло.

И бодро одеваемся в Ашане,
Дешевле барахолки не найдешь.
Мы стали пожилыми алкашами,
И нами помыкает молодежь.

* * *

Ты помнишь бумажные фотки,
Ты помнишь Советский Союз?
И серые наши высотки,
И старый обшарпанный шлюз.

На сладкое, то есть на третье,
Давай же устроим побег
В минувшее тысячелетье,
В наш разнокалиберный век.

Какие мы все тут худые,
Какая вокруг суета.
Какие мы все не седые,
И даже вон та сволота.

Какие мы все молодые.
В лесу, за столом, у реки...
Какие мы все тут живые,
Какие же вы дураки.

* * *

Уж лучше бы здесь и сегодня,
А завтра заявится враг.
Мне снится вчерашняя Сходня,
Живой и зеленый Овраг.

Мне снится: я тихо бухаю
Среди одуревшей войны.
И мирно шагаю к трамваю,
Какие хорошие сны.

Стою, как цветок, осыпаюсь,
Беспомощное существо.
Мне снится, что я просыпаюсь,
И вам пожелаю того.

ОЛЬГА ИВАНОВА

Поэт. Родилась в Москве. В 1995 году окончила Литературный институт им. А. М. Горького, отделение поэзии (творческий семинар Олеси Николаевой и Владимира Кострова). С 1997 г. состоит в Союзе писателей Москвы. Публикуется в периодике с 1988 г.: «Новый мир», «Континент», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Литературное обозрение», «Арион», «Дети Ра», «Зинзивер», «Новый берег», «Новая реальность» и т. п. Выпустила восемь книг стихов.

СВЕТОЗАРНЫЕ КОПЬЯ ЛОМАЯ

* * *

нехай и мнимо
и грош цена
какое «мимо» —
когда цуна...

премудрость! пр*о*сти
какое, на,
«вы это бросьте» —
когдаволна

когда равнина —
как окиян
гуляй, рванина
порви баян

В АЛЬБОМ

ах, подарите мне колечко
из голубого серебра
чтоб хоть маленечко полегче
фреза пера была добра

[не ~~злоба дня~~ западня по крайней мере]
чтоб не флешмо*о*била чадра
беря взаймы у бедной мери
с красноречивого одра

не ситим*о*били лэнд-лизы
и не потели кучера
и ~~бедной тани~~ бедной лизы
не сиротели вечера

пустяк/безделицу/цепочку
булавку/брошечку/аграф
когда на голубину почту
не наплела, любезный граф

нехай еще какую дуру
[увы, пора-мой-друг-пора] —
за уходящую натуру
из с*е*ребра —
не из ребра

* * *

данности забор
ревности шекспир
молодой задор
валтасаров пир

выверты пера
от его щедрот
с точностью [ура]
до наоборот

двое из ларца
[заперты сердца]
ручечка в руц*е*
точечка в конце

кровокровоток
[слово — как лоток]
вправо ли, браток
влево ли чуток

полюбэ — побег
[вопреки узде]
в яблочко фидбэк
/далее везде

* * *

поэтические цацки
восадуливогороде
[кущи — райски, клещи — ацки]
или что-то этом роде

ни клубники, ни малины —
ведьмовства лихие трюки
ломки доводы голимы
~~[боевой его подруги]~~
круговой его поруки

расписные карусели
чтобы ширилась и крепла —
вроде новой одиссеи —
в лопухи лихая гребля

да достраивая траблы
с огнестрелом в крайнем акте —
эвристические грабли
во свиде о естьконтакте

НЕСМЕЯНА

во экстазе неслиянна
[хоть ее озолоти]
имя шельме — несмеяна
жало смерти — во плот*и*

не застеливай постельку
шаловливою рукой
теребя ее бретельку
[будто в бурях есть покой]

занавесив занавестки
шняги нежные гоня
тема смерти — на повестке
наздревающего дня

вороша шмотья ошметки —
не дошаришь до души
не смеши ея подметки
и подмостки не смеши

* * *

Ире Перуновой

что королю — сор
то холую — клад
кто на «распни» скор,
тем и в раю — ад

в тренде не кровь — брют
в кадре не дух — прах
над лабудой блюд
а между строк — страх

как ни камлай — мрут
горних не вскрыть — врат
*и*ну и брат — брут
*и*ну и брут — брат

CREDO

скупую-мужскую роняя, что твой крокодил
чтоб было чуток половчее — к ровеснице топать
*претензий — нема, ибо все ж уходя — уходил
с собой умыкая полсердца [а главное — *опыт*]*

«а ты там держись, ибо ныне, всегда и вовек
ты — сильная женщина и не поступишься Credo!»
с большой вероятностью, это писал человек...
но с б*о*льшей еще вероятностью — несколько н*е*до-

ЭСКИЗ

всюдужизни сухой паек
живописный ее буек
немигающий огонек
осознанья [ее конек]

судьбоносный ее пенек
висококосный ее денек
смертоносный ее бросок
в тонкокостный *увы* висок

[дабы в пекло не уволок
несвідомый *увы* стрелок]
да кондовый стегая слог —
благогласия оверлок

* * *

Наташе Новиковой

Долго ждать, обивая чужие пороги напрасно
Чтобы всем доказать, что ты есть и когда-то была,
Чтобы вечный в итоге Небесный единственный паспорт
Получить в Бесконечность...

Сергей Миханков

нарезая круги,
светозарные копья ломая,
будто новую терру
и новое небо творя,
дорогие шаги,
как трофей, изо тьмы изымая —
той, *что скрылась из глаз*
в ледяной полынье января,

мимо нежити дней
[и ее людоедства ненова],
чтобы в лету клешнею
костлявою не сволокла —
в яме горя немова
рождается горняя мова,
ровно в этом порядке:
«ты есть и когда-то была...»

КОНВЕРТ

не жалейте любови народной
ставьте лайки и шлите конверты
вопреки стороне оборотной
бытия безотзывной оферты

в личный ад, в нутряной геркуланум
им как без вести кануть — без вести
занавесьте им окна туманом
и звезду в изголовье повесьте

не сморгните без шума и пыли
[зацените — иными словами]
маякните — пока не уплыли
тормозните — пока еще с вами

в этом городе, в этом июне
эти души
[грядущие *книги*]
говорите о юности Юнне
и дарите цветы Веронике

ПОЭТ
[ИЗ ЦИКЛА «ПРОСТЫЕ СТИХИ»]

1.
плачевно позорище яблочка ц*е*ла,
бессилье его велико
[харибда и сцилла — харизма и сцена] —
поэта, смотрящего мимо прицела,
пуляющего в молоко...

где цель высока — ни словца холостого,
контрольного — ни одного...
поэт — это снайпер, а всякое слово —
прицельная пуля, врачевство Христово,
златая пилюля Его,

ни стати, ни сути не спрячешь от к*о*я —
как совести первый укол...
где яблочко – всякое сердце людское,
живое, румяное, словом – *людское*...
*а если, походу, оно не такое,
то слово – осиновый кол.

2.
как бы ни было *безумно да волшебно*
на фальстарте, на дистанции — кошерно
и на выходе — светло да человечно,
ясен пень, его мучение невечно

ибо время — дребедень, и тупо ясно,
аки день: оно как минимум не властно
над прошаренным [по ту, а не по эту]...

пахнет жареным
да по фигу поэту

ибо путь его едва ли параллелен
центрифуге центробанков и молелен
[мимо виндоуса сомнительной аферы —
ниже плинтуса
но выше стратосферы]

* * *

сколь на нее ни лай
в кАшицу облаков,
«чаечка» — над землей
[48 витков]

сколь Его ни хули,
сетуя — кто таков,
вознес*е*н от Земли —
жив во веки веков

ЭСКИЗ

улыбаемся-и-машем
[остальное — пропаганда]
мимо рая стройным маршем
под названием уганда

стенка ломится на стенку
на кону — венец творенья
[в каждом глазе — по бигбэнгу]
вот и все стихотворенье

ФИНАЛ

потому что поля не перейти —
делово колеся по склонам,
за чужие скатерти по пути
не присаживаться с поклоном,

даровой жратвы не давать устам,
на чужое жнивье не льститься,
чтоб когда-нибудь очутиться там,
где не можно не очутиться,

и шепнуть, торжествуя, как в Рождество,
улыбающемуся Богу,
что любила здесь одного Его.
да, быть может, саму дорогу.

ИГОРЬ ПАНИН

Поэт, публицист, литературный критик. Родился в 1972 году в Воронежской области. В конце семидесятых переехал с семьей в Грузию, где окончил среднюю школу и Тбилисский государственный университет (факультет филологии). Автор нескольких книг стихов, публиковался в журналах «Континент», «Дети Ра», «Крещатик», «Дружба народов», «День и Ночь», «Нева», «Зинзивер», «Сибирские огни» и др. С 1998 года живет в Москве. Долгое время работал в «Литературной газете», был обозревателем, возглавлял отдел литературы.

ТАКАЯ ПОРА НАСТАЛА...

* * *

Как будто морок беспробудный —
и мысли нет о ясном дне.
Годами тонет наше судно,
а может, мы уже на дне.

И массам алчущим навстречу
летит начальственная весть:
и зрелищами обеспечат,
и хлеб пока в достатке есть.

Еще бузить не прекратили,
но ощущается надлом.
И говорю высоким штилем,
поскольку низким — западло.

Какие беды грянут скоро,
единство хлипкое дробя!
Но из-за радостного ора
не слышу самого себя.

Нужна ли мне страна иная,
где все легко и по уму?
Но только здесь я цену знаю
простому слову своему.

И пререкаться бесполезно
и объяснять в который раз...
Вы не заглядывали в бездну,
а я смотрю туда за вас.

* * *

С возрастом умней не стал,
оттого ли, потому ли
тянет к зыбким тем местам,
где надежды потонули.

И оглядываясь на
обветшалые постройки,
видишь продолженье сна,
будто не вставал ты с койки.

Бремя прошлых адресов —
потому ли, оттого ли,
что унять давнишний зов
не хватает силы воли.

Но и в этом что-то есть:
отмечаю с тайной ленью
убывающую спесь,
подступающее тленье.

* * *

Такая пора настала,
что тянет залечь под сень;
не нужно ни пьедестала,
ни памятника совсем.

О славе уже ни слова,
и хватка-то — не ахти:
каким коридором снова
в какой кабинет войти?

Закрыты повсюду двери,
устойчивые к плечу.
И я не желаю верить,
надеяться не хочу.

Но в этом скупая правда,
сермяжная благодать;
да будь хоть главою прайда —
век воли не увидать.

И я не один таковский,
не сбывшийся наяву.
Не вынесет перековки
поверье, каким живу.

А ветер холодно-встречный,
играясь, сбивает с ног.
Собьет и меня, конечно.
Такие дела, сынок.

ДМИТРИЙ ЛАКЕРБАЙ

Поэт, литературовед, филолог. Родился в 1965 году в г. Гагра Абхазской АССР. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры теории литературы и русской литературы XX века Ивановского государственного университета. Автор многих публикаций. В частности, печатался в журналах «Знамя», «Арион», «Дети Ра», «Зинзивер» (лауреат премии журнала за 2016 год), «День и ночь», в антологии «Нестоличная литература». Член Союза писателей XXI века.

ДРЕВНИЕ ТАЙНЫ ЖИВЫХ ПОНЯТИЙ

* * *

...Ползли две мухи по стеклу, по облакам.
Порой взлетали и звенели — в тон векам,
В строю парадном, в искрах солнца наголо
Стоявшим гордо... Село горло. Время шло.

Истертый пол косым квадратом был горяч,
Висел прыжком среди пылинок, рвался вскачь...
Лучи чудесят даже ворвань и тряпье!
Почти не весит наша жизнь пред забытьем.

И мы звенели, мухи две, и мы ползли —
через края, по облакам, зола земли!
Никто небес не отнимал — но свет иссяк,
И рухнул зал, и пол упал — и жизнь вдруг вся.

ПОЧТИ РОМАНС

Сто лет был снегопад — а утром на ветру
два милых существа затеяли игру.
Затеяли, свозя в глазастой белизне
все «можно» и «нельзя» на снежной простыне.

И танец их был прост, как переступы лап,
когда дороги все метель перемела...
Когда нельзя сойтись, расстаться тяжело —
ты парусом пройдись, ты изогни крыло,

ты разучись вблизи, переплетись вдали —
когда и солнца нет, и не видать земли,
когда усопший свет как в детстве молоко,
где утонул желток и горе велико...

Кто раньше снегопал, кто позже снегопел —
два милых существа вкусили свой удел.
Никто из них не знал, зачем судьбу постиг.
Сто лет был снегопад — а счастья целый миг.

...Как будто в старый фильм затянут и влеком,
из-под земли глядишь на солнечный балкон,
тот самый слышишь смех, той музыкой звучишь —
как будто не века свисают молча с крыш,

как будто жизнь не жгут, крутясь двойной юлой,
иссохших два листка от яблони гнилой,
как будто, застонав, ты не растратишь вдох...
Как будто счастья миг благословляет Бог.

ГЕКТОР, МОРЕ И ПЕСОК

незабвенному папе

...Древа солнечного шумный страшно весел океан.
Сколько там пловцов безумных, летунов из разных стран!
Воробьи блескучих мошек зазывают в хоровод —
между лап текучих кошек в шелестилищах тенет!
Новостей полна сорока, дети плещут день-деньской,
кто-то сгинувший до срока машет весело рукой,
свиристит вода в колонке, пузырьков бегут стада —
там, где рвется, — там и тонко...

Бумеранги-города
запрокидывают бухты самолетовым крылом —
словно с горки с папой: «Ух ты!» — самокатим в бурелом.
...Это — пляшет Mare Nostrum мириадами зрачков!
...Это — остров Калиостров алхимичит свой альков!
...Это — мыслей кавалькада, лодки лоджий, звезд архив...
...Это папа и цикада — с подоконника стихи.

Сам я мелкий, но отважный (ну и что, что трусоват).
Вот гляжу с хитринкой, важный, в папин фотоаппарат.
Что ты мечешься, душонка, где герой, что верой полн?
Птицы вышиты на шелке развевающихся волн...

Гектор ждет ахейцев вскоре, едет сном ночных орбит —
конь под звездами, как море белогривое, храпит.
Кто там точит, колобродит, чей полет наискосок?
Берег.
Дальний свет прародин...
Гектор, море и песок.

...Древа солнечного шумный страшно весел океан.
Строит папа — бог разумный — то ли кран, то ли экран
от космического храпа, чтобы источник не иссох.
Я кричу в восторге: «Папа! Гектор, море и песок!»
...Где в длиннотах тянут мрежи соль скрипучих скрипачей —
рассверкали волны свежий гребень в тысячу мечей!
Славный Гектор! Он выходит веселить стихиям меч!
Славный Гектор! Он возводит храм, где должен мертвым лечь.
Все на свете он построит: солнце, море, город наш...

Но едва глаза открою — сфоткали другой пейзаж.
Тыща лет ушла пригорком. Рай укатывался в ад...
И пронзительно и горько в душу мертвые глядят.

Не одно открыл окошко в мир иной на волосок.
Не одной зыбучей кошкой утекла душа в песок...
Ночь близка, затихло древо, стала бочкой толща вод.
Солнце справа, а не слева. От вселенной — огород.
В бочке неба ввысь колодец — цепь с пузыриками вниз.
Паучок-канатоходец там над бездною повис.
Но спастись ему желает чья-то добрая душа —
Славно облако пылает, нам вихры развороша...

* * *

Как в нашей жизни лилипучей
просторнее, когда из мглы
проходит с войском Тучегучин
над городом во все углы!
Еще в гордуме тухнет рыба,
еще бурлаки баржу прут —
а он уже висит, с обрыва
катая молний детвору!
А он уже с любого древа —
Тугарин, трель, архимандрит!
И все, что справа, снизу, слева —
само с собою говорит:
развеска треска, блеска, визга,
воды и платьев-облепих!..

И вдруг доходит — как замызган
и дух, и град, и труд, и стих...

Вот в переменах неминучих —
сверчками капли. Как витраж,
изрыт лучами Тучегучин
и солнцем взят на абордаж,
утянут кряканьем в подмостье,
дав счастье парочке на миг,
что в память врезан белой костью,
что вверх взмывает, как плавник, —
и рушится, инопланетен,
как мокрый мост, как план ферзя,
как крик любви, как все на свете,
что растерять было нельзя...

ИЗ ЦИКЛА «ПУТЕМ РУИН»

* * *

Время — ночь и огород,
Скряга веток, тень как вор...
У небес есть луноход.
У меня — забор и двор.

Семенной торчит укроп,
Колыхаясь на ветру...
А в земле лежит Твой гроб.
А в гробу гниет Твой труп.

Помнишь, милая... Ага.
Ща — сколотим из досок
Море прошлого, стога,
Волос, легший на висок,

Ща, погодь — заката медь
Иль восхода лучше стынь?
...Жить мгновенно умереть —
Запятая как полынь.

В огороде прет укроп.
Жизнь — лишь даль поющих труб...
А вдали лежит Твой гроб.
А в гробу гниет Твой труп.

Смотришь с фото иногда
(Если силы есть взглянуть).
«Не забудешь?» — «Как всегда».
«А приедешь?» — «Как-нибудь».

СВИДЕТЕЛИ

Теплым вечером на тихой улочке отцветает в сумрак сирень.
Посиделочки кой-где, прогулочки... Вот еще один убыл день.
Над бессвязной волной березовой, в шелестилище мелких птах —
облака плывут водовозами на беззвучных своих винтах.
Меж мирами да огородами уж кого только больше нет...
Незаметно, темными бродами покидаем мы белый свет —
суеты да грядок затейники, оптимисты, говоруны,
многобогие человейники – как сирени цветные сны...

Но, когда идешь, старше всех почти многошумных дерев, домой —
на заросшем травой колесе пути замечаешь следящих тьмой.
Дружелюбы, живые, теплые, порасселись, поразлеглись —
словно пепла горки под соплами, мазь пушистая... Пала высь —
и оставила коготушечек, котопусиков, смех прорех.
Мы у розовых спим подушечек... А они наблюдают всех.
И когда все несутся с топотом и гогочут, что в снег, что в зной, —
наблюдают за гвалтом... А потом — наблюдают за тишиной.

Этим взрослым, что в бане празднуют, этим детям, чей визг не смолк,
суждено да спляшено разное... Но свидетели знают толк.
Знают, как сны крадутся вещие, как безумен любой резон,
как покрыт мелкой сетью трещинок взгляд любимых за горизонт.
Старый мир наделяет ужином — и доносится до вибрисс,
как на грядке проснулся в ужасе одинокий белеть нарцисс,
как спешит по стеклу змея воды захлебнуться у края рек,
как дырявые небу неводы тщится вытянуть человек.

...В темноту помолиться выйдешь ли, чуя кожею скрип Луны —
паучок с домовитой ниточкой покачается вдоль стены.
По любимым, но мертвым систола, по безмерной пройдет вине.
Зашевелятся тени лиственны на соседней глухой стене.
Падать в ночь, в эти норы орочьи из двоих всегда одному...
В шелестилище с тихой горечью каждый шаг приближает тьму.

И предчувствуешь — да неведомо. И узнал — да не понял, как...
Лишь они, никому не преданы, вековечно глядят во мрак.
Не свои, не райски, не адовы, недоступный слезам сезам...
Ничего при них не загадывай — а не то прочтешь по глазам.
Обходя глазастые башенки свидетелей темноты —
ничего у них не расспрашивай из того, чем трепещешь ты.

* * *

с парусами солнца вброд
весел весел огород
бегают без каблуков
стайки черных пауков
кое-кто в листве с дырой
куст крыжовника горой
с маргаритками межа
бабочка вообража
угол дома
свет пролома
у колодца глаукома
солнца нос из облаков
жил любил и был таков

* * *

всегда Мальстрём когда дыряв карман
у ада есть родительный падеж
спи женщина набоковский роман
мы сколь себя ни тешь одни и те ж

В СУМЕРКАХ

успела кошка не успела мышка
успели огоньки они по кругу
вот не любил пирушку и интрижку
теперь припомнить нечего друг другу

успел умчаться даже облегчиться
но не успел отпрыгнуть вот досюда
и кто-то близкий воет как волчица
но время пустозвонная посуда

на самом деле умерли другие
успел закрыться но не все успели
и день ненастен вечер замогилен
и все бы отдал только лицемерен

спеша знакомой улицею мимо
до боли в сердце памятного дома
размазываешь слезы типа грима
как этот дождь стекающий без грома

и только память вечная невеста
а кровля тусклый меч реки угрюмой
мы все спешим в одно и то же место
но думаем что думаем подумать

* * *

Небо после заката — совсем не то, что всегда.
Небо после заката — не воздух и не вода.
Даже кот замирает, лапой чуя подвох...
Дальше — никто не знает.
Дальше — край света.
Бог.

Только что — море пело, ласточки, поезда!
Съехало, опустело...
Но стоят невода —
сети забора, ива, оконное решето,
гаснущий злак залива,
глянувшее ничто...

Замерли скаты крыши — влажные, как слеза.
Выше — никто не дышит. Ниже — одни глаза.
Там потерявшие близких, выплакавшие свой срок —
смотрят, как пошевеливает тряпочку ветерок.

Скоро паучьим ужином, скоро фонарным льдом
веток мрачное кружево весь спеленает дом.
Молча постель расстелена, нет никуда дорог...
Смотрят, как пошевеливает тряпочку ветерок.

Небо после заката — рядом, везде, внутри.
Кот провожает взглядом скрипнувших у двери —
в небо ушедших, вянущих, нашептывающих связь...
Но замирает тряпочка.
Виснет, не шевелясь.

* * *

потому что нет ответа в зыбкости фонтана
в подражаниях шумящих и пустых берез
лепрозориях лечебниц лета Левитана
изнурительных виденьях мании стрекоз

лестница лежит на крыше помогая планам
перекрыливать повыше к неразменным странам
забирая забывая занимая ниши
тех чей дым домашней мыши покидает крыши

тех чей дым домашней мыши горячей и суше
чем бесплотные виденья снящиеся души
чем отчаливший предел их позапрошлым летом
чем отчаявшийся демон занесенный светом

МОНОЛОГ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ

Тобой любимых нет на свете.
Тобой любимые мертвы.
И новых поколений дети,
На линиях береговых
Прибоя океанский ярус
За ярусами ввысь громад
Подняв, стремят иную ярость —
Чтоб рухнуть в тот же пенный ад.

Орущий немо в этой пене,
Никем не видимый, чужой
Живым и мертвым, страсти, сцене,
Когда заходит на прыжок
Еще безмерней и погромней
Вал в блеске сабель, — что же Ты?
...Имеющие дом — бездомней!
...Вращающие круг — пусты!

ДЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Прошли века. Исчезла Шривиджайя.
Великая империя распалась...
И тени тюля с потолка сбежали.
А пианино клавиша — нажалась.

И слышишь смех сбегающий девичий
И детский голос в зной полуоткрытый —
Из царства лучезарных пограничий
Меж сном и явью, памятью и бытом...

Когда и где на бирюзовом шелке
Катаются веселые скрижали —
И смех Твой из блистающих осколков
Таинственной державы Шривиджайи...

Маджапахит... Империя распалась.
Ты чем-то потрясен, пока листаешь...
Какая жалость жизнь, какая малость!
Зовут обедать. После — вырастаешь...

И вот уж тонет в сон тысячелетий
Все, что подростку только предстояло:
Любимых жизнь, несозданные дети,
Финал мечтаний, горестей начало...

Блажит сосед за стенкой, пьян мертвецки.
Колышет тюль наброски тайных молний...
Вся жизнь — воображариум из детской.
Глядишь на потолок — а видишь волны.

...Но кто кричит, заламывая руки?
Кто уничтожен, кто всему виновник?
Пусть все уйдет, вся память и все звуки!
Пусть смех царит и ягода терновник...

И на просторах Родины безмерной,
где смотрят Бога милые могилы,
где шелестятся утрени, вечерни,
где ты был слаб — другим пусть хватит силы.

Не так легко признать себя отбросом
мгновенной тени, призрачной и бедной.
Но, если смысл вечно под вопросом —
Не так уж глупо исчезать бесследно.

ЯН ПРОБШТЕЙН

Поэт, переводчик поэзии, литературовед, канд. фил. наук, доктор литературоведения (Ph. D.), профессор кафедры английского языка и литературы (Touro College, New York). Родился в 1953 году. Составитель, редактор, автор предисловия, комментариев и один из ведущих переводчиков книги «Стихотворения и избранные Cantos» Эзры Паунда (1 т., СПб, Владимир Даль, 2003), «Стихотворения и поэмы» Томаса Стернза Элиота (М., АСТ, 2013), «Полное собрание пьес и стихотворений Т. С. Элиота» (СПб.-Москва: Азбука-Иностранка, 2019), «Испытание знака», Избранные эссе и стихотворения Чарльза Бернстина (М.: Русский Гулливер, 2020). Участвовал в издании «Собрания стихотворений» Дилана Томаса (М.: Рудомино, 2015), автор 12 книг стихов и нескольких книг эссе и литературоведческих исследований на русском и английском языках. Стихи, переводы, эссе и статьи печатались также в журналах «Новое литературное обозрение», «Иностранная литература», «Дети Ра», «Новый мир», «Крещатик», «Новая юность», «Prosodia», «Арион», «Плавучий мост», «Квадрига Аполлона», «Гвидеон», «Поэзия», «Новый Журнал», «Континент», «Стрелец», «Время и Мы», «Семь искусств», в электронных изданиях «Литературра», Textonly, Gefter.ru, Textura.by, «Облака», «Сетевая словесность», в альманахах «Новая кожа», «Зарубежная Россия», «Связь времен» и в других периодических изданиях. Всего около 500 публикаций.

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

* * *

Так хорошо все начиналось!
Выглянуло солнышко и осветило
все закоулки сознания,
высветив новые перспективы,
открыв новые возможности
(которые отпали) и трудности
(которые остались, но их
необходимо было преодолеть).
Мы перенеслись на край света
на волшебном ковре-самолете
в тридевятое царство
демократии, побитой козырным тузом.
Гром победы раздавайся!
Слоны и ослики, мулы и муллы,
муэдзин поет новую песню
по-китайски, и шофар
скоро возвестит новый год.

* * *

Сосредоточиться на среде обитания,
даже если это четверг или
седьмая пятница на неделе,
в любом случае, неплохо
быть непосредственным человеком,
но жить по средствам,
посредником, но не посредственностью
в вопросах, непосредственно связанных
с нашими занятиями
нечистописания каракулями,
которые катятся каракатицами
от строчки к кочке зрения,
рассеянного во вселенной,
куда мы смотрим рассеянно
близоруко щурясь, но нередко
ощериваясь, отдавая себе бессознательный отчет
в том, что мы все когда-нибудь рассеемся
в необжитых нами пространствах.

* * *

Власть отвратительна, как руки брадобрея.
О. М.

Похитители велосипедов —
грустный фильм и старая профессия.
Впрочем, у развозчиков обедов
на велосипедах есть замки.
По Нью-Йорку шествует процессия
тех, кто изнывает от тоски.

Вот идут латентные носители
по Бродвею в масках набекрень.
Нас ошеломляют в сей обители
новостями каждый Божий день.

Открываешь сети социальные —
сразу попадаешь на крючок,
а капканы — с виду виртуальные,
миг один — захлопнется замок.

В наши времена — раздолье хакерам
и авантюристам всех мастей,
брадобреям или парикмахерам

и поныне власть всего милей;
вскоре мы решим всем миром: на х.р нам
массовик, хотя не без затей.

В воздухе и в интернете — вирусы
нетерпимости, патриотизма,
наши плюсы превратились в минусы
(не поможет плазма или клизма), —
жизнь сквозь призму экзистенциализма.

ПРОНИКНОВЕНИЕ

когда обрывки звуков, разговоров
или даже чьи-то стихи
проникают исподволь в сознание
новости, заголовки, уловки
политиков, заготовки
вчерашние, которые могли бы сойти
за новизну для нуворишей,
мельтешенье тусовки,
спевшиеся дуэты
кукушек и петухов,
спившиеся поэты,
воспетые и отпетые,
но вдруг долетит строка —
если не преодоление,
то хотя бы отсрочка забвения.

Где вдохновенье, где, друзья, невроз
Не сразу отличить удастся:
Кому-то — крылья, а кому — навоз
Крылатого Пегаса.

* * *

Полузабытая мелодия
вдруг зазвучала в голове,
но вслед за нею и просодия
напомнила мне прошлый век,

как бы заезженной пластиночкой,
застряв в бороздке, режет слух
одним размером-сонатиночкой
опутывает пленный дух,

а он на волю рвется парусом,
собрав все силы для рывка,
и над землею взмыв Икарусом,
на землю смотрит свысока.

Но скоро кончится прелюдия,
за нею отзвучит и фуга,
и средь густого многолюдия
не отличишь врага от друга.

Окинешь взглядом небо новое,
а жизнь заезжена вразнос,
и вспомнятся слова суровые
о полной гибели всерьез.

* * *

Живу в квартире, как в футляре,
Как человек, а может, скрипка
Гварнери или Страдивари,
От мира скрытый по ошибке.

Живу в квартире, как в подполье,
Как человек, а может, крот.
Но в темноте моей — раздолье,
И нет зияющих высот.

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

Поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Наш современник», «Нева», «Звезда», «Урал», «Арион», «Подъем», «Интерпоэзия», «Юность», «День и Ночь», «Волга» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет в Москве и поселке Быково (Московская область). Главный редактор журнала поэзии «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига («Литературная газета») и премии журнала «Нева».

НА МОЙ ВЗГЛЯД

I

ПРИГОРОД ЛУНЫ

Пролетает жизнь моя со свистом,
Утекают скоренькие дни.
Я хотел быть белым и пушистым.
Но не получилось. Извини.

Не имея силы марафонца,
Я устал. Мозги утомлены.
Я хотел поехать в город Солнца,
А приехал в пригород Луны.

Пригород Луны — такое место,
Где живут, самих себя казня,
Люди из неправильного теста,
Вроде непутевого меня.

Пригород Луны — почти поселок,
Где живет особый лунный люд.
А еще там много колких елок,
И пичужки жалобно поют.

2021

В МЕТРО

Лев Гумилёв восстал из гроба.
И едет — благостный! — в метро.
На Гумилёва смотрит в оба
Несчастный сыщик из угро.

Лев Гумилёв молчит. Неплохо
Он знает, ч т о произойдет.
Пассионарная эпоха
Со знаком минус — вряд ли мед.

Неужто глухо все, как в танке,
И дни получше не придут?
А поезд едет до Лубянки.
Туда ведет любой маршрут.

2021

ТИПАЖ

Он идет, как волк ощерясь,
Подличая вновь и вновь,
Перешагивая через
Чувства, дружбу и любовь.

Он идет вперед — немая
Совесть не печалит взгляд.
Он идет, не понимая,
Что давно идет назад.

2021

БИТВА

Безжалостно и грубо,
Свирепо-разудало
Идет грызня Ютюба
И Первого канала.

И там я вижу стаю,
И тут я вижу стаю...
Кто победит — не знаю.
Я точно проиграю.

2021

СТРОЧКА ТЮТЧЕВА

Казалось бы, не врешь — но врешь.
Мысль изреченная есть ложь.
А, может, все-таки не ложь?
Тут без сто грамм не разберешь.

Слова пластичны, как гимнасты,
Слова токсичны точно яд.
Хоть говорить мы все горазды —
Поступки лучше говорят.

2021

РЫЧЬ

Года с годами входят в клинч,
Кончаются окей и ржака.
Речь переходит резко в рычь,
Рыча, как битая собака.

Из мухи делая слона,
Я жил ~~спеша~~, греша, ища ab ovo
Не устаревшие слова,
А звонкое (как банка...) слово.

А что нашел — судить другим,
Тем, кто дает в футурум пропуск.
Мне важно, что ~~необходим~~, неотменим
Поиск.

2021

БОБРЫ

Я строю, строю, строю дом.
Я в прошлой жизни был бобром —
Неутомим и неслабым.
Я был бобром, бобром-прорабом.

...Бобры надежны и просты,
У них широкие хвосты,
У них широкие натуры.
Бобры добры, хоть с виду хмуры.

Бобры обжить стремятся кров.
...Я рад, что с племенем бобров
Хоть как-то связан, хоть отчасти.
Я рад, что я боберской масти.

2021

ПО БЕЗДОРОЖЬЮ

Я иду по бездорожью,
А куда иду — не знаю.
Знаю: ложь не станет рожью,
Знаю: волк не бросит стаю.

Знаю, что по всем приметам
Непроста моя дорога.
Знаю: темень станет светом,
Если подождать немного.

Если подождать немного,
Станет былью небылица
И счастливая эклога
В голове моей родится.

2021

СТРЕЛОК

Стрелок лежит. Легко стрелку.
Глаза прилипли к потолку.

Стрелок решил патроны слов
Швырнуть за дверь. Дверь — на засов.

Стрелок стрелял — в себя! — сто лет.
Теперь стрелять желанья нет.

Стрелок молчит, лежит ничком.
Стрелок не хочет быть стрелком.

2021

ПРОГУЛКА

Себя не хвалю, не лелею, не холю.
Я молча шагаю по минному полю.

Я знаю, чем кончится эта прогулка,
Что я упаду, как подкошенный, гулко.

Я все же иду. Потому что так надо.
А в сердце звучит, как шарманка, ламбада.

2021

II

О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ

Одни наворовали.
Другие хотят наворовать.
Вот и дерутся.

2021

НЕ ТАК-ТО ВСЕ И СЛОЖНО

свобода-и-несвобода
восход-и-закат
богатство-и-бедность
друг-и-враг

деньги-и-деньги
деньги-и-деньги

не так-то все и сложно
в этом нелучшем из миров

2021

ДЕРЕВЬЯ

пытаюсь говорить с деревьями на даче
понимаю только те которые вырастил сам

2003, 2021

ЗНАКОМЫЙ

не подойду к нему — он раньше от меня зависел

2003, 2021

ПОКЛОН ГЕННАДИЮ АЙГИ

тлен
лице-мерие
жест-кость
жесто-кость

строчка
поэта

моцАРТ
божественный

жизнь

2002, 2021

ВСЕ ПРОСТО

— Зачем они меня убивают?
— Потому что они тоже хотят есть.

2003, 2021

НА ВЕКА

в сотый раз смотрю «Офицеры»
и опять плачу

2003, 2021

ПРОБЛЕМА

у меня одна проблема
это я сам

2003, 2021

ТАК

любовь это когда альтернатива невозможна

2003, 2021

ФЕВРАЛЬ 2021

Снег завалил калитку.
Замок примерз.
Зима так зима.

2021

МАШИНЫ

Машине по производству гвоздей
не так-то просто стать машиной по производству воздушных шариков.

У каждой машины
свое предназначение.

2021

ЭМИЛЬ СОКОЛЬСКИЙ

Прозаик, критик. Родился и живет в Ростове-на-Дону. Окончил геолого-географический факультет Ростовского государственного университета. Автор публикаций об исторических местах России, литературоведческих очерков и рассказов. Печатался в журналах «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Аврора», «Музыкальная жизнь», «Театральная жизнь», «Встреча», «Московский журнал», «Наша улица», «Подъем», «Слово», «Дон» и других. Редактор краеведческого альманаха «Донской временник» (Ростов на-Дону).

СОТРИ СЛУЧАЙНЫЕ ЧЕРТЫ

МИМО ЖИЗНИ

«Это дрянь, а не жизнь», — говорит один. Или — так, вообще: «Это не жизнь!»

А другой — возьмет и опишет все, что этого человека окружало, мимо чего он проходил не замечая, потому что — не хотел замечать, не умел стирать «случайные черты», видеть смысл в своих делах, в протекающем времени.

И окажется, что на самом-то деле это была все-таки — жизнь!

КРИК — ЭТО НЕ СТРАШНО

Знаю человека, у кого своя теория по поводу крика. То есть по поводу ссор, при которых кричат. Крик — вовсе не решающая сила в человеческих, в том числе и служебных, отношениях. Если на тебя кричат — значит волей-неволей признают за ровню и способны простить. Крик не бывает разумным, как любая мгновенная эмоция; а потому если кто-то на тебя накричал — это вовсе не повод долго потом в себе пережевывать происшедшее.

Если человек действительно хочет испортить с тобой отношения, разойтись с тобой, уволить, он не станет тратить на тебя силы. Он может спокойно, и даже вяло, сообщить тебе об этом.

Стал вспоминать несколько случаев из своей, из чужих жизней... По-моему, очень даже небезосновательная теория.

ОБУСЛОВЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Высокомерие всегда казалось мне неумным и, если посмотреть под определенным углом, даже смешным. Потому что ему, как и любому чувству, нужно, чтобы оно выражалось. А для того чтобы оно выражалось, нужен д р у г о й, д р у г и е. Самодостаточному нет нужды в высокомерии, поскольку высокомерие — поза. Высокомерие говорит о глубинном, запрятанном сознании собственного несовершенства, оттого и хочется строго судить: это создает иллюзию возвышения над остальными. Поэтому высокомерие, по сути,— та же зависимость, обусловленность д р у г и м и.

НАКАЗАНИЕ

Однажды моя собеседница призналась: я устала от реальности, хочется уйти в свой внутренний мир.

Здесь, мне кажется, серьезная ошибка с «внутренним миром». Нет никакого «внутреннего мира», есть один Божий мир, в котором мы живем. Ну да, очень повлияло на людей это утверждение, что каждый человек — это целый мир. Но ведь «миром» может оказываться, например, и маленькое, депрессивное «я». Или завышенная самооценка. Или еще что-то.

Я думаю, изгнание Адама и Евы из рая (как и прочие библейские сюжеты) нужно понимать в духовном смысле. Рай никуда не девался — просто они утратили способность его видеть,— вот уж наказание так наказание!

КИРПИЧ

Я все говорю, что это опасно для книги, если поэт хочет втиснуть в свой сборник как можно больше стихов (или когда его наследники подгребают все, что можно,— так случилось, например, с книгами Юрия Кузнецова, Владимира Соколова, Бориса Рыжего, куда попало множество невыразительных стихотворений). Но гораздо интересней об этом высказывается сам поэт. Марк Шатуновский (он также прозаик и критик) согласился со мной таким образом:

«Вместо того чтобы написать небольшую книжку, мы все хотим написать увесистый том, чтобы, как кирпичом, стучать другим по башке...»

С ПИРАТАМИ ЗАОДНО

19 июля 2013 года газета «Литературная Россия» обратилась к литераторам, и ко мне в частности, с «Вопрос в лоб» (таково название предложенного обсуждения):

«Правообладатели интеллектуальной собственности в нашей стране по-разному относятся к соблюдению своих прав: кто-то позволяет всем без спроса пользоваться плодами своего творчества, а кто-то, напротив, готов чуть ли не удавиться из-за каждой копейки. Каково ваше отношение к соблюдению авторских прав? Готовы ли вы бороться с пиратами? А может быть, сами бесплатно скачиваете из Интернета книги, фильмы, музыку?»

Мой ответ: «В вашем "кто-то, напротив..." содержится издевка, которую я... почти разделяю. С одной стороны, если автор настолько ценит свой труд и самого себя — он имеет полное право следить за своей собственностью. Возможно, это достойно и уважения, особенно если автор уверен, что "творит для вечности ". Однако здесь-то и содержится горькая ирония. Вечности все равно, готов ты удавиться за каждую копейку, или нет; для нее имеет значение только продукт; все остальное — для биографии, — которую, кстати, не стоило бы украшать такого рода "копеечными" курьезами. На отслеживание нарушений своих прав, на борьбу с пиратами нужны время и силы; однако жизнь коротка, а поэтому время и силы нужно беречь для иного. А "вечность" в лице людей пусть себе на здоровье читает книги, смотрит фильмы, слушает музыку. Догадываетесь, каков мой ответ на ваш последний вопрос?»

СОБИРАТЕЛИ НЕДОВОЛЬСТВ

«– Вам нужно поговорить с этой девушкой!
— О чем?
— Обо мне, отец.
— Эта тема не располагает к красноречию».

Я процитировал по памяти Оскара Уайлда («Идеальный муж»). Последнюю фразу мне всегда хочется сказать человеку перед тем, как он начнет жаловаться на свою жизнь. Не покидает ощущение, что такие люди втайне гордятся своими недовольствами, несчастьями; отними их — они почувствуют себя не в своей тарелке, жизнь потеряет смысл... Они словно коллекционируют свои недовольства, чтобы при случае полно о них рассказать тому, кто способен слушать. Умение слушать — да, редкая, ценная вещь, но — неужели и в этом случае тоже? Вот вопрос...

ТРУДНАЯ ЖИЗНЬ

По свежим впечатлениям.

«Мне всегда не везет!» (то есть — «именно передо мной уходит нужный мне транспорт, выстраивается очередь, закрывается окошко билетной кассы» и тому подобное). Честно сказать, я не очень такому доверяю... Вот если бы сказано было — «я всегда опаздываю, я никогда не могу рассчитать время, я сплю больше чем нужно»... Однажды, в чужом городе, на автобусной остановке, женщина, сетуя на плохую работу транспорта, сказала, что сегодня утром ей сильно отдавили ногу: «я едва сдержалась, чтобы не взвыть». А дальше — потрясающее рассуждение: «А кто виноват в том, что мне сделано больно: человек, который отдавил ногу, или водитель, который не вышел на работу (например, запил), и потому из-за него в тот автобус набилось столько человек! Или я, потому что не вышла из дома раньше и еду в час пик... И ведь тому, кто отдавил мне ногу — наверное, тоже неудобно»...

Не знаю, права была та женщина или нет, но... ее слова были словами взрослого человека, а не ребенка!

И вот — о «невезении». Да, не везет, если не делаешь хотя бы пустяковых усилий. А коль не делаешь — невезучесть хочется оправдать.

Впрочем, такие жалобы на жизнь вполне оправданы: жизнь обидчивого действительно трудна. Обидчивость — чувство, которое трудно насытить.

В ЧУЖОМ СОКУ

Сам я ничего из популярнейшего «Кабачка 13 стульев» не помню, но вот семья — замирала у телевизора. Сейчас читаю фрагментами мемуары Зиновия Высоковского («пана Зюзи»), — кстати, уроженца Таганрога, — и узнаю, как закрыли эту любимую всей страной телепередачу:

«...Руководитель ЦТ всесильный Лапин давно искал случая, чтобы нас закрыть, и вот как-то под Новый год он объявил, что новогоднего "Кабачка" не будет и вообще "Кабачка" не будет. Но на новогоднем приеме в Кремле Леонид Ильич подошел к нему и говорит: Слушай, Лапин, тут супруга меня спрашивает, когда будет "Кабачок"? "3 января", — тут же нашелся Лапин. И нас всех доставали с гастролей, с отдыха, с чего хочешь, и 3 января "Кабачок" состоялся».

Однако больше этого вопроса Брежневу не случилось задать, передачу тихо прикрыли. В 1993 году предприняли попытку ее возродить (разрешили, но только под другим названием — «На Тверской»). Однако настали новые времена — «нас всех утопили в соке "Бимм-Билль-Данн"», то есть передачу растерзали рекламной перебивкой («Что тебе хочется, милый?» — спрашивает полуголая, лежа в кровати; он, томно: «Только сок "Бимм-Билль-Данн"»). «И мы отказались, — пишет Высоковский, — мы ведь тоже не на помойке сделаны, пусть уж лучше нас будут помнить прежними, когда мы были в собственном соку».

НЕСКРЫВАЕМОЕ РАЗДРАЖЕНИЕ

Осенью в Вологде, в гостях, вечерами я смотрел ментовский сериал «Глухарь» (из серии в серию — охи, вздохи, стоны, усталые всхлипывания, хриплость, переходящая на шепот... — одно и то же; нет, на одном обаянии Максима Аверина фильм все-таки не может долго держаться, «Глухарь» исчерпал себя задолго до окончания сериала). В январе снова был в Вологде — и снова «Глухарь»: повтор! За что мне такое наказание: я дома телевизор не смотрю, так хоть бы сейчас показывали что-нибудь новенькое! На днях листал мемуары Марка Захарова, а там — как раз словно на эту тему!

«Особое, но хорошо скрываемое (по этическим соображениям) раздражение вызывают у меня некоторые кинематографические опусы, где долговременным образом имитируется какая-либо профессиональная среда — например, работа милиции или обстановка проведения следственных мероприятий. Чаще всего артисты, не имеющие в запасе никаких углубленных профессиональных наблюдений, и такой же среднестатистический режиссер разыгрывают как бы многозначительное и непременно крайне разнообразное по количеству актерских штампов псевдоинтеллектуальное действо, не имеющее ни малейшего звукового, пластического, лексического и вообще поведенческого сходства с реальным режимом многочасового существования в органах правопорядка или спецназа.

Так и хочется сказать коллегам: не уродуйте свою профессиональную оснащенность скольжением по разного рода "милоте", "задумчивости", "осмысленности" или якобы "напряженности". Ваши потуги — как сводные картинки рядом с живописными шедеврами. Посидите месяц-другой на Петровке, 38 (если, конечно, допустят, что вряд ли), но честно — от звонка до звонка. Почувствуйте разницу, как ведут себя профессионалы на пятом-шестом часе рабочего дня и что вы выкомариваете перед камерой, не в силах одолеть среднестатистического самолюбования».

ГОЛОС ПОКОЛЕНИЯ

В Фейсбуке Константин Кедров вспомнил Инну Богачинскую — и я задумчиво откликнулся:

«О... а я потерял ее совсем... Помню ее рифмы шестидесятнические: болтиков — оболганных, старость — станций, топор — толпой, глохли — глотки, сковал — скафандр... Но вместе с тем она звучит искренней, чем Вознесенский и прочие...»

Кедров погрустнел: «Мне искренне жаль тех, кто не понимает, что Андрей Вознесенский гений».

Зато неожиданно объявившаяся Инна Богачинская была в восхищении: «Эмиль, прегромаднейшее спасибо за понимание, оценку и глубокое проникновение в мои рифмогрядки. Знаем ли мы друг друга? Где Вы обитаете? Вот Вам мой адрес и с домом, и с улицей, но, увы, вне Советского Союза...»

Я разыскал у себя в тетрадках одно из давным-давно переписанных мной (кажется, из «Огонька» 1980-х) стихотворений Инны Богачинской, живущей в Америке. Правда, я не люблю воюющей, протестной поэзии (поскольку считаю, что соглашаться на подобный тон — уже поражение, до начала борьбы); но больно уж рифмы веселят! Хочется узнать, что и как она пишет сегодня...

...Мы — поколение болтиков
Без имени и без места.
Наших отцов оболганных
Вернули нам лишь посмертно.

Мы — поколение возраста,
Не приходящего в старость.
В отравленных порах воздуха —
Токсины атомных станций.

Мы — поколенье молчальников,
Средь тонны опусов пресных.
Если уж нас печатали,
То с оглушительным треском.

Мы — поколенье заочников,
Сизиф против нас — снежинка.
Мы — поколение очереди
За хлебом. За справкой. За жизнью.

Мы — поколенье отшельников,
Вжатых в себя, как улитки.
Разве у нас отношения? —
Комплексы и конфликты.

Мы — поколенье, которое
В лозунгах сплошь и подделках.
При нас обнажали историю,
Как продажную девку.

А мы у столба позорного
От славословья глохли.
И жизнями нашими сорванными
(А это почище, чем глотки)
Из репродукторов совести
Захлебывался Высоцкий.

...Для тех, кто с душами голыми,
Всегда наготове топор.
Лишь с достойных слетают головы,
Растоптанные толпой.

СОБЫТИЯ КАК ТВОРЧЕСТВО

Нашел у Зинаиды Гиппиус созвучное мне:

«Жизнь — события, а быт — лишь вечное повторение, укрепление, сохранение этих событий в отлитой, неподвижной форме.

Быт — кристаллизация жизни. Поэтому именно жизнь,— то есть движение вперед, нарастание новых и новых событий,— только одна — творчество».

ПРОСТОЙ КРИТЕРИЙ

«Стихи я делю на две части,— признавался Михаил Гаспаров: — те, которые нравятся мне, и те, которые нравятся кому-то еще». А священник и поэт Сергей Круглов развил эту мысль так: любя в поэзии многое, «никогда не могу о ц е н и в а т ь чьи-то стихи: «близко — неблизко», вот и вся оценка. Всякого же пишущего приветствую несколько по иным причинам — по боязни обидеть человека, даже если он явный графоман, уязвить нечто трепетное в нем... Пусть уж судят другие, имеющие харизму критика — я устраняюсь, хотя, может быть, это и нехорошо».

Хорошо, хорошо... У меня был не один случай, когда я жалел о том, когда поступал так, что человек мог обидеться. Прежде всего — отыскать хорошее, если оно есть, потом говорить обо всем остальном. А о плохом стихотворце лучше вообще не писать, не упоминать, не называть фамилии.

УДОБСТВО

Надоело слышать о пессимизме. Пессимизм питается самим собой и ничем более. Альберт Швейцер прекрасно, остроумно сказал: «Мое знание пессимистично, но моя надежда и воля оптимистичны», — чем и снял все вопросы по этому поводу. Чего мудрить: пессимизм — это всего-навсего чувство невезучести, подрывающее готовность хоть к каким-то усилиям, более того — за это чувство удобно держаться, чтобы усилий избегать. Запрограммированность, короче. Не дай бог!

Вообще, кто такие неудачники? Это люди с ощущением неудачливости — что, конечно, максимально снижает возможность успеха. Чувство беспомощности при неудаче — явление нормальное, но оно должно быть кратковременным, сиюминутным.

Да здравствуют неудачи! —
Они ведь творцы побед, —

писала Юлия Друнина. Но неудачникам этого не объяснить...

СЛЕПОЙ

У меня на этот счет — никаких сомнений: люди, склонные к осуждению, к обидам, к поискам правды, к исследованию мотивов того, кто им делает доброе — люди душевно слепые.

Есть притча как раз о таких людях.

Жил слепой мальчик, его жалела семья. Но мальчик этого не знал, не видел, и потому чувствовал себя все время обиженным. Случился праздник; семья решила: чтобы он не чувствовал себя обделенным, зажарим ему барана, целиком!

И вот застолье, баран — перед мальчиком на блюде. Мальчик пришел в восторг! Но тут же его озарило: «Представляю, сколько они сами съели!»

ДЕПРЕССИИ ВХОД ЗАКРЫТ

Поэт Ирина Машинская, проживающая в Америке, написала мне весточку в связи с уходом Натальи Горбаневской:

«Помню, как Наташа сказала мне в 1997 году, когда мы сидели на лавочке в Париже, в темноте на автобусной остановке, говоря о только что случившихся у нас обеих внезапных, бессмысленных потерях: "Мне впадать в депрессию некогда, у меня слишком много дел"».

УТЕШИЛ ДРУГА!

О своих болезнях, конечно, говорить скучно и неприлично, но если как следует преподнести... И ведь достаточно лишь одной удачной фразы — и жалобы оправданы!

Из книги «Эдгар Дега. Письма. Воспоминания современников». Дега пишет своему другу, ученику Делакруа Эваристу Бернарди Де Валерну, которому не удалось достигнуть успеха как художнику — он вернулся в родной городок, где зарабатывал, давая уроки рисования:

«Мой старый товарищ, поясница заставляет меня брюзжать, но не на вас, ибо вы так добры, что думаете обо мне больше, чем я о вас. Если не считать поясницы, то я чувствую себя хорошо.

Боюсь, что мне придется провести некоторое время в комнате, в пустых размышлениях, так как я не могу ни работать, ни читать. Зрение ухудшается. Я жалуюсь, чтобы вы знали, что не только вы несчастны».

Вот оно, последнее предложение, преображающее все ранее сказанное!

ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ РАДОСТЬ

Как же радостно такое читать, на фоне разговоров о недовольстве жизнью — которые умудряются вести даже вполне физически здоровые люди!

Из письма Эдгара Дега к живописцу, учителю рисования Эвaристу Де Валерну:

«...По мере того как ухудшается мое зрение, мой закат становится все более одиноким и печальным. Только любовь к искусству и стремление к новым достижениям поддерживают меня.

Полагать свою радость в том, чтобы созерцать и осмысливать жизнь, — для этого стоит жить. Именно поэтому, несмотря на все муки и горести своей жизни, я еще соглашаюсь жить. Но отчего на свете столько слепых и глухих, которые проходят по жизни, не имея ни малейшего понятия о том, что она собою представляет?..»

ЛИШНИЕ СЛОВА

Будучи студентом я принес материал в местную газету, и опытный журналист меня сразу же отучил от беспечного употребления необязательных — и тем более совсем ненужных — слов; — штампов, одним словом (вместо «в стенах университета» следует писать — «в университете», и тому подобное).

Не помню, своими ушами ли я слышал это от Андрея Яхонтова, или прочитал в его книге «Коллекционер» (страниц много, сразу найти очень сложно), — но мне запомнился сюжет о первом — и лучшем — литературном редакторе этого писателя и драматурга, замечательного рассказчика. Редактором оказалась... телеграфистка.

Мальчишкой Яхонтов пошел на почту отправить родственникам телеграмму о смерти отца, текст составлял дед: «Большое горе. Умер папа». И далее — сообщение о месте и времени похорон.

Телеграфистка вычеркнула «большое горе», сказав: «Лишнее. Это для вас горе».

Двойной урок. Во-первых — понятно: лишние слова. Второе: то, что является горем для тебя, вовсе не является горем для остальных; а потому — следует быть сдержаннее в проявлении чувств.

ХУДОЖНИК-ПЕРОВООТКРЫВАТЕЛЬ

Татьяна Бек признавалась как-то (может, лукавила): я вовсе не поэт, просто я знаю некоторые секреты... Я не считаю, конечно, что она — не поэт, однако... ее стремление «наделить» художественной красотой всякие «несовершенства» мне видится недостаточно... как бы это сказать... недостаточно поэтическим. Вот ее известное стихотворение:

Вечно манили меня задворки
И позабытые богом свалки...
Не каравай, а сухие корки.
Не журавли, а дрянные галки.

Улицы те,
которые кривы,
Рощицы те,
которые редки,
Лица,
которые некрасивы,
И — колченогие табуретки.

Я красотой наделю пристрастно
Всякие несовершенства эти.
То, что наверняка прекрасно,
И без меня проживет на свете!

Все в этой мысли вроде бы «прекрасно», но — что значит «наделить»? Я думаю, настоящий художник не «наделяет» красотой; он видит предметы так, будто они еще никем не увидены и никак не названы. И только он, этот художник, первым увидел их, первым сказал о них, первым назвал...

ЗАДАЧИ БЕЗ РЕШЕНИЯ

В работе французского поэта, эссеиста, философа Поля Валери я нашел замечательный момент, имеющий отношение к художественной критике. Сначала он говорит о точных знаниях, о языке этих знаний, которые, в конечном счете, нужны для того, чтобы решить какую-либо научную задачу быстрее и лучше — поскольку «здесь люди знают, чего хотят».

И потом:

«Такие языки стремятся выразить малейшую деталь, тогда как язык великих искусств тяготеет к вечной неточности и непреодолимой двусмысленности. Художники и писатели все еще продолжают спорить, как будто до сих пор никто не писал картин, не делал рисунков и не создавал литературных произведений. Стиль, форма, природа, жизнь и другие слова, допускающие различные толкования, играют умами художников, образуя бесконечное множество комбинаций, волнующих и бесплодных. А между тем нельзя ни прочесть, ни услышать сколько-нибудь определенного о том, что есть на самом деле».

ВСТРЕЧАЮТ И ПО ГЛАЗАМ

Если не нужно идти на какую-то торжественную встречу — он одевается предельно просто. «Я некоторое время жил за границей и первое время удивлялся, что довольно состоятельные люди одеваются как попало. Спросил у Шемякина: как это понимать? Михаил и сказал: видишь ли, на Западе вообще не очень-то обращают внимания на то, как ты одет. А в России средневековое общество, где костюм — это знак, часть знаковой системы...»

Заодно вспоминаю слова своей знакомой, переехавшей из родного областного центра в районный городок: «В своем городе я заходила в магазин — смотрели, как я одета. А теперь, когда захожу в магазин, — смотрят мне в глаза».

ПРАВИЛО ДОСТОЕВСКОГО

Захотелось перечитать Достоевского, но как найти для этого время?.. Да еще ведь столько лишнего у него; по-моему, большие вещи можно бы сократить на четверть. В связи с этим очень интересно наблюдение Дмитрия Лихачёва: «На мышление Достоевского оказала влияние практика современного ему "судоговорения", при которой выслушивались и критически перепроверялись все показания, подлежащие как бы еще одному разбирательству: ...литератор из рассказчика стал следователем, а его романы — огромными следственными делами». Только с оригинальной расстановкой знаков препинания.

Достоевский говорил: «У каждого автора свой собственный слог, и потому своя собственная грамматика... Мне нет никакого дела до чужих правил!» (свидетельство корректора В. В. Тимофеевой). Своя собственная!

Но вот многие сегодня стали коллективно писать без пунктуации. Если нет никакой грамматики, это чье правило?

Достоевский действительно не разрешал править свои вещи. Первые грамматические правки (и его, и всех прочих классиков) пошли после реформы Я. Грота (до этого они были интонационными). Конечно, правка по правилам лишила авторские тексты многих нюансов... Так ведь — было чего лишать!

СЛАБОСТЬ

О тех, кто мелькает и тут и там, старается чтобы их имя было на слуху. Правда, Эдгар Дега пенял не какому-то бездарю, а художнику с дарованием — Джеймсу Уистлеру, мастеру живописного портрета, стремившегося жить напоказ — и фотографироваться, фотографироваться... Итак, слова Дега: «Мой дорогой друг, вы ведете себя так, словно у вас нет ни капли таланта!»

ЖЕЛАННАЯ ДОСАДА

Получил письмо, полное упреков (как минимум наполовину заслуженных). На все это нужно ответить, оправдаться. И сразу вспомнились строки из частного письма Сергея Довлатова... Эх, так хочется их украсть, приписать себе... Ведь — как человек ситуацию обыграл! Что делать? Нет, слово в слово не напишу, но идею все-таки украду, перепишу другими словами.

Вот оригинал:

«Как это ни странно, Ваше письмо обрадовало меня, поскольку в нем звучит человеческая нота, а именно — нота досады... что возможно лишь при общем дружеском заинтересованном чувстве. Я же этого чувства добивался многие годы..., и потому едва ли не в торжествующем настроении приступаю к оправданиям».

НЕ ПОНИМАЮТ...

Жалуется: близкие не принимают его всерьез как поэта: относятся так, вроде как стихописание — его хобби, приложение ко всему прочему...

Что сказать... Жены Расина и Гейне никогда не интересовались, что пишут их мужья (вспомнил попутно Дюрера: чтобы его злая жена-транжирка могла купить себе очередное платье, художник работал и ночью).

А какие живописные подробности о Наталье Гончаровой приводятся у Вересаева!

Л. Н. Павлищев со слов своей матери писал: Натали не разделяла влечений мужа; «однажды на вопрос Боратынского, не помешает ли он ей, если прочтет в ее присутствии Пушкину новые стихотворения, Наталья Николаевна ответила: "Читайте, пожалуйста, я не слушаю"».

О. Н. Смирнова: «Пушкин читал стихотворение А. О. Смирновой, которое она должна была в тот же вечер передать государыне. Н. Н. воскликнула: "Господи, до чего же ты мне надоел своими стихами, Пушкин!" Он сделал вид, что не понял, и ответил: "Извини, этих ты не знаешь; я не читал их при тебе". — "Эти ли, другие, все равно. Ты вообще надоел мне своими стихами". Несколько смущенный, поэт сказал А. О., кусавшей себе губы от вмешательства: "Натали еще совсем ребенок. У нее невозможная откровенность малых ребят". Он передал стихи А. О., не дочитав их, и переменил разговор. А. О. сообщила Пушкиной, что в Царскосельском театре спектакль, и она получит приглашение. Это привело ее в лучшее настроение, и она сказала: "Пожалуйста, продолжайте чтение, Я вижу, ему этого очень хочется. А я пойду посмотрю мои платья. Вы зайдете потом, чтобы сказать, что мне лучше надеть для спектакля?"»

Так чего теперь жаловаться? Пушкин-то не жаловался...

ТАК ПРОЩАТЬ ИЛИ НЕТ?

Андре Моруа писал: «Если б мы знали других, как знаем себя, тогда даже самые предосудительные поступки показались бы нам достойными снисхождения». Ну, проще говоря, понять — значит простить.

Но вот что говорит современник Моруа, писатель и драматург Жорж Куртелин: «Если бы мы другим прощали то, что прощаем самим себе, жизнь стала бы невозможной».

То есть не прощать — значит поддерживать порядок в мире? Французы часто тонки, оригинальны, остроумны, но... больно уж разговорчивы. Мысль ради мысли. Ведь и «мы», и «другие» в смысле самооправдания — одни и те же люди. А поступки как совершались, так и будут совершаться...

ЗАКОН ПРИРОДЫ

Неоднократно был свидетелем — некоторые женщины очень любят говорить: «Я такая и меняться не собираюсь!» От мужчин такое слышать не приходилось, но не могу исключать, что и у них может быть такая позиция.

Она объективно неверная. Дело в том, что под «я» человека можно понимать только какой-то стержень, основу характера. Другое «я» — как ни от кого не зависящее — существует только на необитаемом острове. С появлением друга мы ведь уже не те, которыми были до него, а немножко другие. Что-то новое в нас открывается, что-то меняется, что-то прибавляется. В этом — наш свободный выбор, проявление внутренней свободы; и она приносит радость,— радость дружбы и любви. Закон природы: развитие! Говоря громко, это и есть сущность творчества. Жизни как творчества.

Не меняется ничего, наверное, лишь у одинокого человека. Лучший образец неизменяющегося — лежащий на кладбище. Есть прекрасная формула: изменяться, не изменяя себе.

Мой друг недавно мне сказал, вспоминая наши совместные школьные годы и наших друзей-товарищей: «В школе я понял: если твой друг хочет чего-то не того, что хочешь ты, не всегда нужно ему противоречить. Я должен уметь засовывать свое самолюбие в задницу. Потому что поступая именно так — я расту».

Екатерина Блынская, «Крымская колыбель»
М.: «Вест-Консалтинг», 2020

В названии книги нет слова «море», но оно без особого усилия прочитывается в этих двух словах — «крымская колыбель»... В этом названии книги прочитываются и соединяются и море, и земля, их живое движение и взаимодействие. Созерцание свободной стихии, ощущение близости стихии, движение которой подобно движению колыбели, создает состояние внутреннего созерцания и свободы самовыражения. Земля, на которой живешь не постоянно, а к которой возвращаешься периодически, зачастую открывается все новыми и новыми гранями, из впечатлений складывается некая мозаика, которую хочется сделать гармоничной и как можно более точной настолько, насколько отражение сравнимо с оригиналом. Эта полученная мозаика в данном случае сложена из прозаических произведений, отражающих внутреннюю и внешнюю жизнь писателя, причем соотношение метафизического и физического компонентов постоянно меняется, поскольку жизнь человека творческого происходит во всех эпохах сразу, это жизнь вне времени или, точнее, в иных временных параметрах и в других координатах, отличных от обыденного, приземленного пространства.

Благодаря активному представлению писательского творчества в интернете нынче достаточно легко ориентироваться в новых книгах интересующих тебя авторов. Так и я узнала о новой книге прозы Екатерины Блынской. Забежав в один из книжных магазинов, где, по моим наблюдениям, всегда все есть, смогла найти последний (!) экземпляр, как говорится, еще пахнущей типографской краской книги. Едва начав читать «Крымскую колыбель» Екатерины Блынской, я уже знала, что буду писать отклик на нее, не рецензию, не отзыв, а именно отклик, ибо чувствовала, что душа моя откликается совершенно похожим образом на Крым. И есть у нас совпадения в восприятии этого свободно-стихийного пространства и явления. Восприятие это объемное, широкое и глубокое, всеми органами чувств и с напряженной активизацией всех когнитивных процессов. Настоятельная необходимость контекста принята автором с готовностью и серьезностью, из памяти скрупулезно достаются впечатления (мыслительные и чувственные) о пережитом и прочитанном, решительно все это дополняется абсолютно свежими переживаниями и впечатлениями зорко смотрящего путешественника, а форма художественного текста позволяет переплетать все продуманное и прочувствованное в сложные «ткани» рассказа, сказки, эссе, повести. Эти литературные творения легко погружают читателя в пучину сюжета, как волна, как неотвратимая свободная стихия накрывают читателя с головой. Потому что много контекста, пронизывающего все мыслимые и немыслимые границы времени (от античности до современности) и пространства (невероятно разнообразного на просторах маленького полуострова). С контекстом переборщить нельзя. Автор этого и не боится. Автор отважно шагает в тему любой сложности, не отворачиваясь от реальных событий пишет и о страшном, и о невоз-

можном (от сюжетов о человеке на войне душа замирает и кровь стынет), и про вполне обыденное и предсказуемое, светлое и спокойное. Все бывает в жизни. И многое вместилось в эти тексты. И многое продолжается за пределами текстов.

Екатерина Блынская являет нам свой опыт гармоничного сосуществования писателя и человека. И в этом, вероятнее всего, кроются предпосылки откровенного общения посторонних людей с писателем, случайно или неслучайно встреченные люди доверяют писателю многое и сокровенное, ведь люди видят прежде всего молодую маму с детьми, передающую детям опыт путешествия в пространстве и во времени, опыт существования в этом мире (как в широком смысле, так и в конкретном случае крымского путешествия). Пример сознательного, серьезного подхода Екатерины и к литературным планам, и к семейным воспитательным задачам никого не может оставить равнодушным.

А писатель Блынская откровенна с читателем и в первом же эссе не скрывает своих методов и планов:

«Нужно было сделать и выслушать очень много, нужно было придумать все и сложить в одну мозаику моего замысла. Мне хотелось написать что-то теплое, от души, близкое мне по крови и по разуму, но без всякой дидактики и пафоса.

Море было совсем рядом. Оно шумело за заборчиком, через дорогу, за масличными деревьями, оно тихо шептало нам...

Вечерами я записывала то, что придумала за день. Дети радовались свободе, бегали по бесконечно длинному, широкому и вольному пляжу. Мы встречали каждый закат, как чудо. Они удивляли красотой, а море было теплым и тоже разным каждый день».

Эта большая цитата (как, впрочем, и другие нижеприведенные) вполне дает представление о языке автора. Этот язык всегда образный и поэтичный, с адекватными интонациями и ритмом, сообразно сюжету. И контекст обширен, ярок и весом.

«Бабушка Валя, как истинный старовер, с трудом шла на контакт в первое время нашего пребывания. Но чуть позже, отделив нас от других "обливанцев и щепотников", вынесла книги и календари, и фотографии себя, молодой и серьезной».

«...мы сидели допоздна и рассуждали о жизни, о вере, о правде, которая сейчас никому не нужна. Вера и Ваня играли с щенком и котенком, подбирали гигантскую "муррэ" шелковицу, вымазываясь ее соком.

Бабушка вынесла книги, и Соня, усевшись перед ней на маленький стульчик, читала староверческие стихи с пророчеством. Бабушка Валя плакала, представляя конец мира, как будто боялась, что доживет. Плакала, может быть, не о себе даже, а о нас. О том страшном времени, которое идет "как по-писанному".

Это чтение стихов было таким трогательным, что даже Ваня и Вера затихли и сидели, раскладывая на столе ракушки и стараясь не драться».

Особый колорит языку придают архаизмы и отголоски местных наречий. Как ярко это проявилось, например, в рассказе «Ойнохойя» и в сказке «Сладкие воды»!

Небольшая зарисовка из жизни крымских виноделов древнегреческих времен, подобно театральному действу, погружает читателя в декорации прошлого, частично сохранившиеся и до наших дней: *«Вы видите каменный двор госпожи Ксантии, выходящий террасой к морскому берегу, где прямо в скалах выбиты тарапаны, каменные давильни для винограда».*

И как послание античных времен доходит до нас такое рассуждение:

«Виноград, дарованный богами, подогревает скучные дни смертных.

Но от ростка до кубка долгий путь, и это путь труда. Когда же вы держите кубок, начинается путь счастья».

Так уж устроен человек, что должны быть в его жизни мечта и хоть немного веры в чудо, а иначе нет его душе покоя и мыслям света. А особо обостряется такая потребность в тяжкие времена. Вот и сложилась у Е. Блынской о периоде гражданской войны (1918 год) такая невероятная сказка — «Сладкие воды». Язык сказочный, множество аллюзий на известные из истории события.

«Паисий Тимофеевич сидел на перевернутой фелюжке в хорошую погоду, поглядывал за рыбаками и тянул свою долгую песню про Богом данный Град, чужие мощи, змиевы валы да утопшие корабли, да про обороны и диковины, которые он пережил».

«Дикие люди разного цвета, как называли они себя, приходили с далекой суши, а конец им дедушка Паисий Тимофеевич находил всем в одном месте.

Ему была путина, полная рыбы, всегда горячая, что раскаленное серебро, так он и помнил те дни молодости и вел цветных людей вдаль».

«Да будут вам полные меха, будут вам полные потроха, будут вам сильные веса и блаженные небеса!

А свято место останется за голым и босым, за хлебом и водой, за битой пяткой, за красной щекой, за худыми костями.

Сладкие Воды трубят о рождении ветра, а ветер прибудет бурей к ненастному берегу.

Так говорит он трубно и звонко. И белые чайки носятся над волнами.

Помер Паисий Тимофеевич позатем летом, позапрошлой зимой, потайной осенью, порос травою со своими орденами и вырос в можжевеловый бородатый куст.

А внуки его так и водят до Сладких Вод синих и черных, зеленых да рыжих, желтых, всех водят, кто ни попросит, да назад только рыбу привозят.

Хороши наши Сладкие Воды, всех влекут, да не всех отпускают».

Проявления моря так же различны, как и проявления человека — от умиротворения до ужаса, которого, казалось бы, и быть-то не может, а происходит, случается. И в жизни человеческой так бывает — все благостно, как в колыбели, а то настигает девятый вал, безумный и беспощадный, и надо выживать, оставаться человеком даже в нечеловеческих условиях. А если «бес попутал», человеком остаться не удалось, что тогда? Как жить дальше или дальше уже и не жить? Эти вопросы писатель ставит и бесстрашно разбирает в рассказах и повестях о войне. А уж войны-то в Крыму было с лихвой. В такие трагические периоды ставится под сомнение принадлежность земли именно тем людям, которые живут на ней, предки которых жили на этой земле. У чужаков нет чувства связи с землей, родства с ней.

Путешествуя, читая, можно открыть для себя нечто новое, важное о жизни, чего без передвижения в пространстве и во времени тебе не открывается. Но уж если открытие случилось, то о нем хочется рассказать, создать его словесный образ, чтобы запомнить, чтобы не стать, по выражению Гёте, «унылым гостем на темной земле». Память — настолько мощное явление, что подпитывает жизнь, связывая поколения людские.

«Пишите, пишите больше! Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох!» — дневниковая запись Марины Цветаевой, сделанная больше века назад, *16 января 1913 года. Слова связывают нас с настоящим и с прошлым, иногда дают вектор в будущее. Книга Е. Блынской связывает нас с Крымом, с его историей и легендами, с его людьми, с пространством, с природой. Память писателя, отображенная в этих ярких художественных текстах, становится памятью читателя, пусть даже и частично, но благодаря словам, идущим от людей и через людей, эта ниточка памяти прядется и не прерывается. Так тому и быть.*

Елена ТКАЧЕВСКАЯ

Фигль-Мигль, «Долой стыд (нет уголка для Вандеи)»
Спб, Лимбус-Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2019

На первый взгляд, «Долой стыд» Фигля-Мигля напоминает такой островок безопасности посреди вандеи «Этой страны», но только на первый. Поэтому в конце предисловия автор успокаивает своего читателя: «Данное произведение не является вторым томом «Этой страны» (несмотря на появление в нем знакомых читателю персонажей). Второй том, тем не менее, будет). И тут же погружает окрыленного читателя в бездну «вещей слишком многочисленных, слишком глубоких, слишком темных, слишком странных или даже попросту слишком прекрасных, чтобы интеллектуальное общение с ними далось без труда или не вызвало беспокойства». Цитата из Генри Джеймса, наиболее известным произведением которого — подсказывает гугль — является «Женский портрет», роман, экранизированный в 1996 году («Портрет леди» с Николь Кидман и Джоном Малковичем в главных ролях). Я упоминаю об этом потому, что творчество Фигля-Мигля, как и Виктора Пелевина, предполагает кинематографическую ориентированность читателя, поскольку сама эпоха постмодерна объективно характеризуется вовлеченностью не только мира музыки или живописи (что было всегда), но и кинематографа в бэкграунд создающихся произведений. Один из первых романов автора, кстати, назывался «Ты так любишь эти фильмы». Так вот, ссылка на Генри Джеймса — это такой маяк, свет которого позволяет читателю не потерять ориентир в бурном море повествования, или, иначе говоря, авторская подсказка (кто не читал романа, тот, возможно, видел фильм), которая сработает, если читатель напрочь не забудет о ней, попав в эти бурные воды. И, действительно, книгу вполне можно представить портретной галереей женских персонажей, богатый внутренний мир которых, действительно, не оставляет места для вандеи, которой, казалось бы, только и заняты мужские персонажи:

«— У безграмотного "Московского листка" Пастухова тираж был сорок тысяч, а у "Московских ведомостей" — четыре, да и то при половине обязательных подписчиков. (Это профессор Савельев.)

— Зато и правительство, и Европа прислушивались к "Ведомостям", а не к "Листку". (Это специалист.)

— Может, и неплохо было бы "Московский листок" послушать. (Это блондинка рядом со мной)».

Действие романа происходит в современном Петербурге, впрочем, отдающим «Петербургом» Белого. Фигль-Мигль — петербургский автор, в противоположность Пелевину, и, подобно всегдашнему напряжению политической жизни России, явно интересующей обоих авторов, напряжение реальной литературной, по моему мнению, тоже формируется между этими двумя полюсами, которые данные авторы и выражают. Причем анализ этого напряжения у Фигля-Мигля — одна из сквозных тем. Говоря о «реальной» литературной жизни, я говорю о художественной литературе, о текстах, которые продолжают и развивают традицию великой русской литературы, а не о фаворитах масс-культа и лидерах продаж, и оба упомянутых автора, на мой взгляд, находятся в авангарде реального литературного процесса.

«Поскольку у нападок на реализм за последние годы образовался неприятный идеологический привкус, скажу так: реализм и постмодернизм одинаково неприемлемы. Первый недостаточен, второй лишен — тысячу раз простите — души. Плоды того и другого походят на размазанную по стеклу грязь, и то, что она взята из разных канав, утешает слишком немногих, пусть даже это и happy few. (И да, я люблю Пелевина. И нет, я не считаю Пелевина постмодернистом)».

Трудно не согласиться с этой характеристикой, в том числе, Пелевина, и с характеристикой автора, данной в аннотации к роману: «Игры "взрослых детей", составляющие сюжет-

ную канву романа, описаны с таким беспощадным озорством и остроумием, какие редко встретишь в современной русской литературе». Год выхода романа «Долой стыд» ознаменовался также изданием в России «Серотонина» Мишеля Уэльбека и «ИЛК» Виктора Пелевина. Я нахожу, что у этих трех авторов есть объединяющие черты: все трое не укладываются в схему какого-либо «изма» и все трое во всей ее цветущей сложности парадоксально, но на удивление точно отражают жизнь. Настоящая, большая литература. Фигль-Мигль на этот раз тематически ближе к Уэльбеку. Мысль о роли абстрактных схем в жизни людей посетила меня именно при чтении романа «Долой стыд», Уэльбек попал на прилавки магазинов позднее. «Долой стыд» сфокусирован на этой идее.

Здесь она проиллюстрирована на примере узкого круга людей, очень тесно связанных между собой формальными и неформальными, видимыми и невидимыми связями, как в притче о слепом вожде слепых (эта аналогия напрашивается; в отличие от чего, Уэльбек прямо вводит в текст цитаты из Нового завета; Пелевин, как всегда, предлагает посмотреть на евангельские истины в сравнительно-историческом ключе), и все они, вооруженные своими убеждениями, не подозревая о своей истинной роли в истории и в жизни друг друга, идут прямиком в личный и общественный ад. Характеристики персонажей (данные с точки зрения других персонажей и по отношению к ним) даются в названиях глав, которые, подобно тегам, обозначают сюжетные линии (думаю, при повторном прочтении можно попробовать пройтись по ним). Основными персонажами первого ряда в романе является «вор, жених, заговорщик и доктор». Причем это характеристики как главного героя, так и связанных с ним лиц, глазами которых мы видим его в одной из приведенных ипостасей. Доктор — его конспиративная профессия, на самом деле, имитация доктора. Вором его видит прикинувшийся пациентом бывший осведомитель и редактор, чья внучка, декларативная феминистка (из тех, к которым, пользуясь выражением Пелевина, всегда будут вопросы), дружит с любовницей доктора, кассиршей. Заговорщик он в кругу тайного общества, членом которого являются и глубоко законспирированные действующие осведомители и просто работники служб безопасности (в романе их две, конкурирующих друг с другом на федеральном уровне). И он — жених зачетной блондинки-кассирши («зачетная была блондинка, но с "но". Сиськи-письки зачет, а взгляд мне не понравился; слишком серьезный, чего-то ждущий»), которая выбрала его в отцы своему будущему ребенку и, соответственно, себе в мужья (это тайный план, осуществление которого набирает обороты, о чем доктор, конечно, не догадывается — зачем нервировать человека раньше времени; но уже в Икее присмотрена кровать). Есть еще ряд персонажей второго плана, отличающиеся от персонажей первого грамматически: рассказ о них ведется от третьего лица. Это Соня (дочь майора, с которым ведет бесконечный внутренний диалог бывший редактор — линия «вор», хотя это не воровство, а эксы, мог бы догадаться, но диалоги ведет не о том, и ничего другого видеть не может); Муся, внучка редактора, актуальная феминистка (она постоянно работает над собой, стараясь быть последовательной и «идя по своему необычному пути с отвращением», превратиться в лесбиянку). Блондинка — еще один заговорщик, пробившийся в любовники к Соне. Два куратора, ведомствам которых доктор негласно поверяет тайны своих пациентов: Нестор и хромой полковник (из «Этой страны», забежал на минуточку из Мааскву). Представители кукловодов проходят по краю, они почти не видны. Некоторые, как майор, отец Сони, с которым десятилетиями ведет непрекращающийся внутренний диалог о добре и зле отец Муси, уже перешли в мир иной (не пережив 1991), но их присутствие до сих пор ощущается. Все действующие лица (многие являются пациентами доктора — психотерапия в моде) связаны друг с другом внутри малого круга опосредованно, не зная об этом, поскольку двигаются в колее своих представлений о целях, смысле и, исходя из этого, окружающих, т.е., не дают себе труда посмотреть на реальность поверх схемы. Интересная подруга у Муси, — думает доктор, — посмотреть бы

на нее, — не подозревая, что он с ней спит. А просто они оба сводятся друг для друга к необходимой функции: она для него любовница, он — нужный отец будущего ребенка, как она это себе представляет. И, в общем, это даже был бы правильный расклад, если бы в нем присутствовало чувство, дающее смысл всему этому. Это отсутствие проявится позднее, при появлении чувства — не в том месте и не в то время, которые предусмотрены рабочей схемой.

Какой урод ставит ей черные синяки на запястьях, дать бы ему в морду, — думает второй заговорщик, — не зная, что именно с «ним» встречается конспиративно. Отчасти лучше обстоят дела у Блондинки с Соней; видимо, потому что... потому что... сначала было чувство; дело началось естественным путем... — ну да, с попытки изнасилования — впрочем, это точка зрения Сони, озвученная доктору; а доктор, занятый мыслями об эксах, не обратил внимание на тот факт, что в этом кейсе непропорционально большое внимание было уделено потерпевшей «проклятым трусам», и на самом деле психической травмой была ее экипировка, не подходящая для первого свидания с нравящимся ей мужчиной. Не La perla.

Другими словами, в структуре романа налицо четкая концентрическая схема (а где нет схемы, нет произведения искусства, хотя это и не все), в высшей степени правдоподобная, несмотря на чистый схематизм и условность, — за счет, увы, типичности ситуации, а также мастерства автора и, соответственно, качества текста. Несмотря на запутанность сюжета (Фигль-Мигль тяготеет к детективному жанру), текст прозрачен, как роса, и весь мир отражается в нем четко и ясно. Стилистически автор тяготеет к иронии, и с этой точки зрения текст тоже великолепен. «Да, я оставил мысль о мемуарах — псогос, знаете, на манер "Тайной истории" Прокопия Кесарийского. Потому хотя бы, что Прокопий Кесарийский писал об императоре Юстиниане, его жестокой, блестящей, распутной жене, министрах-душегубах и Велисарии, а мне бы пришлось называть имена, которые даже мне самому мало что говорят. Хула на Борю, Гарика и Юрия Андреевича! Юрий Андреевич, кстати, мне всегда нравился. Он спятил, как и все мы».

Текст, можно сказать, на уровне Петербурга — города, в котором происходит действие. Наводненность его историей, политикой, историей политики (Плеве, Катков, Пуришкевич; вопросы внутренней политики в период перед революцией 1917 — сквозная тема Фигля-Мигля), как я уже отмечала в начале, слышится эхо Петербурга Андрея Белого. И Достоевского, конечно, потому что Петербург сам по себе уже просто не может всем этим не отдавать, автор чувствует это кожей, это знание входит в его плоть и кровь и формирует основу стиля. А так как автор — повторю — любит фильмы, присутствие Тарантинушки тоже ощущается — заговорщики слегка играют в его Бешеных псов (только ники, никаких пересечений в жизни, ха-ха-ха).

Единственным героем, преодолевшим колею, стал, как ни странно, формально безумный старик из линии «вор». Его безумие было вызвано обстоятельствами жизни — так получилось, что он стал информатором, но он любил (не в романтическом смысле, а в христианском) и старался понять. Видимо, поэтому.

Действие романа заканчивается под Новый год. «В черноте за окном шел снег и волшебно блестел под фонарями, разминались перед полуночной канонадой петардисты, медленно проехала машина, за которой долго еще, как шлейф, тянулась музыка, и Максимчик сказал, почему бы нам до прихода гостей не выпить по глотку за самих себя, и обоим не хотелось подниматься. А потом прозвенел звонок, и мы пошли открывать. Вместе, взявшись за руки. Все, как я и планировала».

Чтобы оценить эту шутку (судьбы), надо прочитать роман...

Елена КАРЕВА

Иван Русанов, «Мне снился берег речки Паленьги…», Стихи
с. Верхняя Тойма (Архангельская область), ИД «Заря», 2020

Иной раз полезно бывает перечитывать самого себя. Вот так листаешь свой блог, натыкаешься на собственную же ссылку, оставленную несколько лет назад, проходишь по ней, чтоб глянуть — на месте ли текст, а там нет-нет и захватываешь глазом абзац-другой... Самоцитирование считается моветоном, но все же рискну привести небольшой отрывок из моей рецензии на книгу стихов Евгения Степанова «Спасибо». Вот что я писал в журнале «Урал» (№ 3 за 2014 год): «...мы практически разучились читать стихи. Раскрывая новый поэтический сборник какого-либо автора, мы стараемся с ходу обнаружить у него оригинальные рифмы, лихо закрученные сюжеты, необычное музыкальное звучание. Не найдя всего перечисленного, откладываем книгу, чтобы никогда ее уже не раскрывать».

На днях мне попались на глаза эти строки, и я вдруг поймал себя на мысли, что ровно то же самое мог бы сказать о недавно прочитанной книге Ивана Русанова «Мне снился берег речки Паленьги...» Стихи Русанова чрезвычайно просты. Новаторские решения можно разглядеть в них лишь при очень большом желании. Но автор и сам не стремится в авангардисты и новаторы; ему интереснее подробно писать о природе, вспоминать о юности, размышлять о любви, делиться с читателем своими радостями и горестями. Вполне, возможно, кому-то это может показаться старомодным и неинтересным. Но сам я покамест к избалованным читателям не отношусь и оцениваю тексты так, как и привык. А творчество Русанова совершенно искренне считаю достойным пристального внимания и серьезного обсуждения.

«Северная лирика» — именно так охарактеризовал бы я стихи Русанова, если б меня попросили дать емкое определение его текстам. По крайней мере, по отношению к данной книге это было бы вполне справедливо. Север присутствует здесь и в будущем, и в настоящем, и в прошлом. Название книги — «Мне снился берег речки Паленьги...» — говорит само за себя. Но как раз Паленьги в книге не так много, гораздо меньше, чем другой реки — Пинеги. И это вполне объяснимо — ведь Русанов родился в поселке Палова Верхнетотемского района Архангельской области. А Палова, если глянуть по карте, как раз стоит на Пинеге. Вполне естественно, что эта река накрепко связана с детскими воспоминаниями автора:

Все это было — юность, Север... —
И все осталось вдалеке.
Рогатый скот идет на клевер,
Бобер вздыхает на реке.

Над Пинегой, над косогором,
Звезда горит, село стоит.
Там, пацаненком, «клад» за домом
Был мной зарыт — потом забыт.

При этом, как водится, малая родина приобретает с годами почти мистические черты. Говорят, что впечатления детства самые сильные. Наверное, так оно и есть. Вряд ли о каком еще месте на земле Русанов мог бы сказать следующее:

Я знаю точно, что живет
На Пинеге жар-птица.

Дело даже не в том, что автор пишет об этой реке с искренней теплотой. Он, как мне кажется, пишет еще и с удовольствием. Это приятные воспоминания, несмотря ни на что:

А сколько в Пинегу спустил
Корабликов — чтоб всем хватило! —
И на одном из них уплыл...
Ах, как давно все это было.

И в итоге она становится для автора сакральным местом, где он может дать оценку себе нынешнему:

Над речкой Пинегой, на воле
Мне слезы отпускает век.

Совсем недалеко от Пинеги, если снова обратиться к карте, мы находим и реку, название которой фигурирует в названии книги. Тут уже Русанов говорит о далеком счастье, пережитом когда-то:

Мне снился берег речки Паленьги,
Лесная глушь, лесные сны
И костерок неяркий, маленький
В кольце вечерней тишины.

Я, наверное, лучше многих понимаю данную книгу, глубже чувствую эту самую «северную лирику». Поскольку относительно знаю места, описываемые автором. Пару лет назад довелось мне бывать в тех краях на медвежьей охоте, сплавляться по реке Сюме. Она там же — совсем недалеко от Пинеги и Паленьги. Не исключаю, что юному Русанову приходилось на ней бывать по каким-то делам. Небольшие таежные речки (а Пинега на малой родине Русанова еще только набирает силу) все похожи друг на друга: крутые (кажется, что очень крутые) берега, резкие повороты русла, подводные камни и пороги (скорее порожки), нависающие над водой разлапистые ели... Так что читая данную книгу, я ощущал себя в какой-то (отдаленной) мере и соавтором — ведь и сам переживал нечто подобное, и сам мог бы, наверное, все это излить в стихах.

Но, конечно, автор пишет не только о своих речных и таежных впечатлениях. Большое место уделяется ностальгии по малой родине и сравнению ее с городом, который, как известно, манит, но не греет. И одна из главных тем — это сама жизнь, во всех ее проявлениях, то, что происходит здесь и сейчас, вокруг автора и в нем самом. При этом Русанов смотрит на реальность либо сквозь толщу воспоминаний, либо сквозь гущу леса. Словно показывая, что навсегда остается человеком села, пусть и отучившимся в столичном Литинституте и печатающимся в толстых литературных журналах, а все же душой витающий где-то в непроходимых архангельских дебрях. И это вполне органично и зримо выражено в его поэзии:

Как настроение? Да осень,
Стихи, дороги, облака...
Рассвет, встающий между сосен,
Теплей парного молока.

В книге два предисловия. Это «Слово автора» от самого Ивана Русанова и статья Наталии Ильиной с разбором его творчества. В ее тексте, в частности, говорится: «Поэзия И. Русанова роднится не только со словом Н. Рубцова, но и Н. Некрасова, например: "потонуло подворье в снегу" — Русанов, и С. Есенина, "Письмо матери", от которого и строка Ивана: "там, как пишут мне в письме... намедни" — с одними интонационными корнями, а нотки в строках: "Не ловите, дьяволы, на слове" отсылают к стихотворениям В. Высоцкого». Не буду спорить с этими утверждениями, однако все же прокомментирую их, дабы у читателя не создалось впечатления, будто обсуждаемый поэт не вполне самостоятелен. Очень часто подобные сравнения, проводимые в попытке поддержать автора, серьезно вредят ему. Поговорим как раз об этом.

Если мы возьмем любого поэта, то при желании найдем у него в текстах массу тайных, явных и случайных заимствований, текстов, сочиненных по мотивам стихов других авторов или под их влиянием. У того же Есенина, особенно раннего, в стихах можно легко обнаружить и Алексея Кольцова, и Николая Некрасова. Вообще же на Есенина серьезно повлияли Клюев (как ярчайший представитель новокрестьянской поэзии), Блок (сравните «ресторанные» стихи Блока и «Москву кабацкую», например) и Белый (о котором Есенин сказал, что он «дал мне много в смысле формы»). И это далеко не полный перечень тех стихотворцев, с которыми так или иначе перекликался Есенин. Были ведь еще и поэты из народа типа Сурикова, затем Ширяевца, были Городецкий с Клычковым, а впоследствии — друзья-имажинисты.

Вот и в стихах Русанова не могли не проявиться Некрасов, Есенин и Рубцов. Да и Высоцкий — как серьезное музыкально-поэтическое явление второй половины XX века — обязательно должен был оставить след где-то в душе автора. Любой поэт испытывает влияние предшественников или современников. И чем талантливее этот поэт — тем лучше будут образцы, на которые он опирается, которые берет за основу и развивает в своем творчестве. Приведу полностью довольно характерное стихотворение Русанова, на примере которого и можно разобрать обсуждаемый вопрос:

Придет пора — и облетят дубравы,
И я вернусь на родину в свой срок.
И, как собака языком шершавым,
Лицо мое оближет ветерок.

Я на поселок посмотрю с тоскою:
Прошедшее не возвратится вспять.
Мать, ног своих не чуя под собою,
Простоволосой выбежит встречать.

Мы свиделись. Не плачь, моя родная!
Я не забыл за чередою лет
Ни синевы архангельского края,
Ни девушки, которой больше нет.

Не спрашивай... Что было — то со мною.
Все только сон да тени на воде.
Скажу одно: как мне сейчас с тобою,
Так хорошо мне не было нигде.

В первой строфе нельзя не заметить Есенина. Однако три последующие — это все-таки по интонации больше Рубцов, который и сам испытал сильное влияние Есенина. Вот и пойми тут, кто у кого что позаимствовал. На самом деле, конечно же, ничего страшного не происходит. Есть вполне устоявшаяся традиция, которой следуют поэты-почвенники (применим этот устаревший, но емкий термин). Русанов — классический человек села. И он испытывал ровно те же ощущения, возвращаясь (или думая о возвращении) домой, что Есенин или Рубцов. Так что не нужно удивляться подобным совпадениям. Случайны они или нет — дело десятое. Да, встречаются совершенно случайные, продиктованные подсознанием. А бывает и наоборот — Русанов может совершенно осознанно, намеренно выдать, к примеру, такое:

На холме задремавшей Отчизны
Хорошо у костра отдыхать.

И тут перекличка с известным стихотворением Рубцова «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» если и смущает, то не сильно. Хотя бы потому, что мы прекрасно понимаем: человек сочиняет в определенном ключе, где принято отдавать дань мастерам жанра, как завуалированными, так и прямыми цитатами. И никуда от этого не деться. Если бы Русанов писал иначе, то он был бы совсем другим автором, с иной системой образов, иными темами и переживаниями. А так — он в одном стане с Есениным и Рубцовым, но, разумеется, не как подражатель, а как продолжатель. Да и отголоски поэзии Юрия Кузнецова, на семинаре которого Русанов учился в Лите, можно обнаружить в его стихах. Причем это какой-то смягченный (по-русановски, что ли?) Кузнецов:

Нам знать и помнить не дано...
Душа мятется у порога —
И истончается в одно
Дыханье, славящее Бога.

Мне остается лишь констатировать, что Иван Русанов давно является состоявшимся поэтом, которому не нужно никому и ничего доказывать. Главная его задача на сегодняшний день — писать и писать. Он и пишет. Так, как считает нужным:

Наплывали, плыли и проплыли
Надо мною в небе облака:
Где мы только не были. А были
Мы везде. Дорога далека.
Буду ли о чем жалеть — не знаю,
Оставляя этот край земной...
Облака на Север проплывают
Высоко-высоко надо мной.

Могу ошибаться, но мне кажется, что Русанов — человек счастливый. Ну, или относительно счастливый. В книге есть трогательные стихи, посвященные супруге, но нет текстов о смерти. Встречаются стихи на социально-политические темы, но отсутствует конкретная гражданская лирика. Такое ощущение, что он добился всего, чего хотел, а теперь почивает на лаврах, не думая о проклятых вопросах. Но из автобиографии и из его же отдельных

стихов мы знаем, что это не так — денег не заработал, карьеры не сделал, из северной провинции вышел и в южной осел, покрутившись до этого в столице. В чем же секрет оптимизма поэта? В том, наверное, что он нашел себя, обрел свое счастье, обжил новый дом, в котором ему хорошо и откуда не так тянет на малую родину. Мы привыкли, что поэт — фигура несчастная, всем недовольная, трагичная. А можно, оказывается, иначе — не выдумывать себе проблемы, не драматизировать свои неудачи, а принимать жизнь такой, как она есть:

Ель у дороги. Болотная ржа.
Кочки да пни без разбору...
Все принимает родная душа
В эту осеннюю пору.

Стихи Русанова успокаивают, но не убаюкивают. Есть в них какая-то основательность. Так смотришь на массивный сруб, который, может быть, уступает в изяществе наспех сколоченным строениям, столь популярным ныне у дачников. Но подойдя к этому срубу поближе, погладив шероховатые бревна приличной толщины, понимаешь, что это — настоящее. Которое простоит очень долго. И никаким фанерным быстросборным жилищем уже не соблазнишься, сколь бы его ни рекламировали докучливые представители строительных фирм. Настоящая поэзия — это не только оригинальность, но и традиция, и качество, и еще множество факторов и условий, которые могут не бросаться в глаза сразу, но обязательно дадут о себе знать впоследствии — при пристальном рассмотрении и анализе. Поэтому хорошие стихи могут быть чрезвычайно просты и непритязательны, вот как этот текст Русанова:

О былом вздыхая,
Выйдешь, помолчишь.
Северного края
Утренняя тишь.
В мире радость множа,
Колосится злак.
Господи мой, боже...
Хорошо-то как!

А действительно — хорошо. И настроение в стихотворении передано очень точно, и текст крепко сбит, ни слова лишнего. Прямо хоть сейчас эти 8 строк можно порекомендовать в какую-нибудь антологию. Самому же автору я бы ничего советовать не стал. Он лучше нас с вами знает, куда держать путь, о чем и в какой тональности писать. Да и жизнь подсказывает. В последние годы в стихах Русанова, публикующихся в литизданиях, все чаще появляется река Хопер — ведь именно на юге России поэт обосновался с семьей. Лесостепь — это вам не тайга, но тем интереснее взгляд северянина на казачьи просторы. И, может, в следующей своей книге Русанов как раз предстанет если и не певцом степей, то, во всяком случае, художником, проводящим любопытные параллели. А мы подождем.

Игорь ПАНИН

Дмитрий Анигеев, «Мой папа летчик»
М.: «Вест-Консалтинг», 2020

Художественный альбом — это не просто книга, а предмет искусства, в котором изображениям (иллюстрациям) отведена главная роль. Воспроизведение визуального художественного материала — картин и фотографий, отражающих историю семьи художника, выносит это издание за рамки сугубо литературного. Почему же мы имеем право говорить о поэтической составляющей данной книги?

Просто потому, что к литературе она имеет прямое отношение. Связь живописи и поэзии открыта не вчера: еще Леонардо да Винчи говорил: «Живопись — это поэзия, которую видят, а поэзия — это живопись, которую слышат». Ему вторил Н. В. Гоголь, утверждая, что «поэзия и живопись — родные сестры». Если же абстрагироваться от высказываний классиков и всмотреться в акварели петербуржца Дмитрия Анигеева, мы увидим — и ничего нет в этом удивительного! — поэтическое мировосприятие автора. Поэзия — это ведь не только создание внешних форм с помощью кисти или слова, а, в первую очередь, мироощущение.

Радость первого впечатления, восторг узнавания мира, которые могут испытать люди с широкой душой и добрым сердцем.

Жизнетворческий потенциал картин Дмитрия Анигеева утверждает победу памяти над забвением, сыновьей любви — над неумолимостью времени, и как итог — торжество добра над злом. Читателю становится столь же интересно, кто автор иллюстраций, как и то, что на них изображено. Художник с абсолютно лирическим, чистым восприятием мира открывает нам историю своей семьи.

Семья — это начало и продолжение каждого человека. Ребенок хочет гордиться своими родителями. Неважно, бороздит ли он небесные просторы или скромно подметает тротуары. А ведь художнику есть, чем гордиться: за всю жизнь папа Дмитрия, заслуженный пилот РФ, налетал 22430 часов! Но чего бы стоили эти заслуги, не сложись между отцом и сыном дружные, доверительные отношения?.. Автор предваряет галерею своих акварелей главными словами: «Папа очень мне дорог и любим. Я очень многим обязан именно ему. Он всегда был мне больше, чем просто папа, он был мне лучшим другом». Отец поддерживал в сыне интерес к истории рода. Именно это и дало талантливому акварелисту силы на осуществление задуманного.

Техника наивной живописи уникальна, поскольку развивается вместе с личным опытом автора. Эти картины наполнены огромной любовью. Изображение подчиняется не законам перспективы, а логике автора — классические каноны отступают, освобождая место центральным персонажам. Перед нами предстает папа художника, Станислав Трофимович Анигеев. Портреты его родителей, рисунок, изображающий блокадный Ленинград, детский дом, юность, служба в армии, свадьба с мамой художника... Человеческая жизнь так быстротечна!

В книгу включены не только образцы творчества Дмитрия Анигеева, который в своих акварелях воссоздал страницы жизни своего папы по его рассказам, но и раскрывающие личность этого замечательного человека биографические данные, предоставленные архивным отделом Объединенного Музея Гражданской Авиации Санкт-Петербурга, воспоминания о его яркой индивидуальности родственников и коллег по работе. Благодаря синергетическому эффекту, альбом становится не просто мемориально-художественным, а полноправным поэтическим изданием. Эту книгу необходимо распространять не только в узком кругу близких художника, но и среди широкой аудитории.

Картины Дмитрия Анигеева непосредственны и просты. Так — с трепетом и восторгом — ребенок смотрит на своих родителей. До тех пор, пока не подрастет и не научится осуждать.

А вот автор осуждать отказывается. Он понимает, что родители дают нам все, что могут дать. Это не громкое клише, это правда, осознав которую, в сердце рождается принятие, а после — благодарность. Как отмечает во вступительном слове художественный редактор книги Irena Ssance (Ирена Санс): «И палитра здесь настолько широка и разнообразна, что остается только восхищаться и удивляться, как в наш современный век мы можем соприкоснуться с памятью рода и желанием сына поделиться этой "памятью", воспоминаниями с широкой аудиторией на пространствах творчества». А ведь благодарность — это душевный отклик человека на ранее проявленные к нему тепло и заботу.

Лицемерные люди могут сказать: «Спасибо за все, что ты для меня делаешь», хотя на самом деле никакой благодарности не испытывают. Хрупкость искренности, которую многие искусствоведы не учитывают, тем не менее, первична для поэтического восприятия. В работах Дмитрия Анигеева сквозь иллюзию простоты просвечивает глубокий смысл взросления человеческой личности и наступления ее зрелости. «Выйти в массы» эта книга обязана хотя бы для того, чтобы наши дети получили шанс расти с осознанной и глубокой благодарностью к родителям.

Ольга ЕФИМОВА

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Сдано в набор 25.03.2021
Подписано в печать 07.04.2021